

Этика свободного общества

Овадья Шохер

©2003–2008 Овадья Шохер
Все права защищены

Содержание

Международный жандарм.....	6
Виртуальные юрисдикции.....	12
Переход к конкурентным юрисдикциям.....	17
Практические аспекты анархистских сообществ.....	24
Конкурирующие юрисдикции.....	36
Жизнь в частных юрисдикциях.....	44
Правосудие в частных сообществах.....	50
Армии не должны быть национальными.....	59
Мини-юрисдикции не воинственны.....	65
Мсть или возмещение?.....	69
Око за око.....	74
Между свободой и тоталитаризмом.....	81
Невозмещенный ущерб.....	84
Более этичное отношение к ближним.....	93
Относительная этика.....	103

<u>Сотрудничество только между близкими.....</u>	<u>108</u>
<u>Негативное законодательство.....</u>	<u>124</u>
<u>Позитивизм и рационализм.....</u>	<u>136</u>
<u>Договорное регулирование.....</u>	<u>146</u>
<u>Анархизм – это отвержение монополии на власть.....</u>	<u>151</u>
<u>Определение анархизма.....</u>	<u>162</u>
<u>Монополия политической ориентации.....</u>	<u>167</u>
<u>Рыночный капитализм не монополия.....</u>	<u>170</u>
<u>Пограничные эффекты.....</u>	<u>174</u>
<u>Подход к либерализму с точки зрения предельной полезности.....</u>	<u>184</u>
<u>Вероятность появления репрессивных анархистских поселений.....</u>	<u>194</u>

Международный жандарм

Война в Ираке стала результатом заблуждения, что крупномасштабная война может убедить общественность, что Ирак представлял большую угрозу для мира. На самом деле для устранения Саддама было достаточно простой полицейской операции.

Когда Америка занимается предотвращением насилия, она этим утверждает свою роль арбитра и даже судьи. Но конфликты невозможно предотвращать вечно. Мирное разрешение проблем возможно не всегда. Часто необходимые изменения приходят в результате применения силы, изнутри или снаружи. Помимо арбитражирования конфликтов, максимум, что может делать Америка как объективно господствующая держава, – это требовать, чтобы войны не превращались в резню. Предотвращение военных зверств не скажется существенным образом на развитии обществ, поскольку зверства обычно непреднамеренны и иррациональны.

Вечный мир между странами, о котором говорил Кант, возможен только в жестко фиксированном мире, тогда как мир динамичен. Миграция изменяет политические пристрастия населения и приводит к изменению границ. Изменяются религиозные предпочтения – страна раскалывается. Развитие

регионы развивают повышенные политические амбиции. Миру нужны изменения, а не гарантии от изменений.

Большинство конфликтов происходят на границах. Более слабая сторона начинает конфликт в надежде на международное вмешательство в случае карательного удара. Вариант-максимум – делегировать Америке право произвольно решать пограничные споры, а возможные перегибы считать меньшим злом по сравнению с теперешним постоянным кровопролитием. Но если не доходить до такой крайности, альтернатива только одна – разрешить любой группе провести границы вокруг купленной или заселенной земли, тем самым сведя определение государственности к простому владению землей. Другие варианты вряд ли возможны, поскольку партизаны-националисты часто продавливают свои решения с помощью терроризма.

Империи склонны к гедонизму, а авантюризм и массовые злоупотребления для них не характерны. Америка десятилетиями защищала Европу от коммунизма, чтобы в 1970-х в Западной Европе появились антиамериканские социалистические правительства, даже не поблагодарившие американцев за развал СССР. При всех своих недостатках Америка все же лучше как международный судья, чем ООН, эта конференция варваров от Заира до Саудовской Аравии.

Жандарм использует силу для создания экономических преимуществ. Однако экспорт в неразвитые страны относительно невысок, и потому увеличение объемов продаж обычно вызывает больше критики (которую конкуренты с радостью проспонсируют), чем доходов. Сверхкрупные сделки связаны с политическим лоббированием, но при такой цене ставок коррупция неизбежна при любом режиме. Жандарм имеет преимущество в продаже оружия, и когда он гарантированно прекращает поставлять запчасти в горячие точки, мир от этого только выигрывает. Развитые страны поставляют дорогое оружие, чем ограничивают финансовые возможности стран третьего мира вести длительные войны. Жандарм всегда может ограничить поставки оружия в горячие точки, пусть и с целью сэкономить на миротворческой деятельности.

Международные миротворческие операции стоят немалых денег. Впрочем, для империи они часто несущественны. Но кто должен нести расходы – налогоплательщики или же те, кто требует интервенции по гуманитарным соображениям? Четко определенная политика обходится дешевле нерешительности. Международный миротворец может определить условия вмешательства, запретить провокации и прибегать к сокрушительным ответам при игнорировании предупреждений. Сегодня международные миротворцы занимаются в основном

урегулированием конфликтов вокруг искусственных колониальных границ. Общества с примитивной экономикой нарушают права других для собственного выживания. Жители неразвитых стран обычно отождествляют себя с относительно небольшими племенами. Эти бывшие колонии просто не готовы к государственности. Даже Германия и Италия не были национальными государствами еще в конце девятнадцатого века. Однако когда колониальные империи проводили границы, они мало думали о чаяниях и возможностях местного населения.

Везде, где возможно, нужно провести новые границы по линиям этнических конфликтов, так чтобы образовались племенные мини-государства. В некоторых случаях над ними можно назначить мандатную администрацию цивилизованных стран. Говорить о суверенитете несостоявшихся стран, неспособных защитить собственных граждан, – большое легкомыслие. Но через экономический прогресс и войны такие мини-государства вполне могут стать жизнеспособными членами мирового сообщества.

Вмешательство США в дела других стран, от Гаити до Румынии, было продиктовано благими намерениями, будь-то экономический порядок или преодоление коррумпированных режимов советской эпохи. Конечно, такое вмешательство никогда не идет на пользу тем странам, которым помогают.

Вашингтонские бюрократы просто не могут быть в курсе всех тонкостей местных проблем. В результате накапливаются последствия ошибочных решений, новые правители, пользуясь международной поддержкой, начинают репрессировать своих оппонентов и еще больше раздувать проблемы, мегакорпорации эксплуатируют свой политический вес, а иностранная интервенция вызывает народное негодование, которое в итоге перерастает в кровопролитие. В сложных системах добро по отношению к другим невозможно, как вообще любой позитивизм. Вмешательство жандарма вызывает отклонения в жизни общества, и чем дольше он влияет на ситуацию, тем прочнее эти отклонения закрепляются. Подобно плановой экономике, политическая интервенция порождает конфликты, которые разрешаются не серией постепенных перенастроек, а одним большим взрывом. Никакой жандарм не в состоянии насадить нравственность в целых народах и правительствах. Позитивистская цель принести справедливость во все уголки земного шара требует неограниченных ресурсов и времени. Такие жандармы как США, НАТО и ООН, придерживающиеся политкорректной задачи исправления всех зол, однажды просто исчерпают все ресурсы, поскольку им приходится произвольно решать, какие конфликты прекращать, а какие игнорировать. Позитивизм всегда упирается в произвольность.

Сама по себе идея объективного разрешения конфликтов утопична. Даже самые убежденные социалисты в конце концов признали невозможность центрального управления экономикой, поскольку невозможно спланировать мириады отдельных решений на индивидуальном уровне. Однако ООН по-прежнему настаивает на планировании куда более сложных материй, чем потребительские привычки: идентичность, зависть, ненависть, религия и другие линии разломов кровавых конфликтов. Если силой усаживать конфликтующие стороны за стол переговоров, это лишь продлевает конфликт и воодушевляет стороны на продолжение распрей. Самое большее, на что может надеяться третья сторона, – это предотвращение зверств. Все прочее – границы, политику, религию – нужно отдать на откуп баланса сил на местах. Жесткий абсолютный мир невозможен: динамичное мировое сообщество постоянно требует перенастройки, а она невозможна без конфронтаций.

Когда кто-то настаивает, что США или ООН должны установить мир во всем мире или заняться спасением невинных жертв (при этом критерии невинности не определяются), им стоит напомнить, что заповедь «не убий» не обязательно подразумевает защиту других от убийства. Напротив, ожидание вмешательства миротворцев лишь провоцирует насилие: агрессор может успеть решить свои задачи до их прибытия, а ответ будет уже невозможен. Когда в ситуацию могут вмешаться

извне, первый удар всегда выгоден. Ожидание интервенции не только не способствует мирному разрешению конфликта, но напротив, увеличивает число требований и усиливает радикализм. В большинстве случаев войны вообще можно избежать: стороны могут прийти к соглашению на основе оценки относительной силы друг друга. В примитивных обществах сила прямо пропорциональна размеру населения, и потому такие соглашения могут быть удивительно демократичны. Когда войну ведет технологически развитая страна, общественное мнение осуждает насилие, и соглашения отражают не относительную силу сторон, а их интересы.

Виртуальные юрисдикции

Если мегакорпорации не монополии, тогда являются ли монополиями государства? Государства обладают эксклюзивной территориальной юрисдикцией над всеми своими гражданами. Если государство допускает на свою территорию только телевизоры фирмы «Сони», тогда фирма «Сони» – монополия. Точно так же государство монополизировало закон, когда запрещает людям в частном порядке руководствоваться какими-то иными правилами.

Уменьшение размера государств – единственный способ лишить их этой монополии. Формально монополия сохраняется,

но лишается практической значимости, примерно как если в одном магазине будут телевизоры «Сони», а в другом – «Панасоник». Потребители могут купить и то, и то, но в каком-то случае им придется переехать на небольшое расстояние. Почему бы не поступить точно так же и с юрисдикциями?

Нетерриториальные юрисдикции существуют. Военный Мальтийский орден считается суверенным, он выдает паспорта. Государства предоставляют иностранцам различные формы иммунитета: римские граждане были защищены в провинциях от уголовного обвинения, британские – от налогов в Османской Империи, евреи – от местных брачных законов в мусульманских странах, дипломаты – от местного судебного преследования. Такие организации как профсоюзы, страховые компании, религиозные и этнические союзы предоставляют защиту, похожую на государственную. Люди разных национальностей, с разными паспортами, подчиняющиеся разным законам, платящие различные налоги часто живут рядом друг с другом и даже вступают в брак. Все это создает почву для юрисдикционных конфликтов, например тройное гражданство детей – от каждого родителя и плюс от страны рождения. На американских заводах американцы работают бок о бок с британскими, французскими, мексиканскими, индийскими гражданами, и при этом все подчиняются разным государствам. Юрисдикции становятся все более виртуальными.

Гражданство привязано к территории больше, чем потребительские товары. Впрочем, в либеральных обществах сфера услуг приватизирована, и жители не зависят от государства для удовлетворения повседневных потребностей. Соответственно, открывается дорога для виртуального гражданства. Государственные услуги можно отделить от чисто юрисдикционных вопросов. Например, иностранцы могут платить за муниципальные, полицейские и даже оборонные услуги, но при этом не подчиняться брачному законодательству.

Виртуальные юрисдикции могут быть организованы по разным принципам. Религии регулируют частную жизнь своих членов вне зависимости от страны их проживания. Частные страховщики предоставляют своим клиентам лучшую защиту, чем многие государства – своим гражданам. Множество юрисдикций от различных поставщиков размывают суверенитет учреждений. Источником суверенитета снова становятся граждане, которые могут частично делегировать его тем или иным учреждениям по своему желанию. Это не aberrация, а возврат к исторической норме, когда люди зависели от церкви по одним вопросам, от феодала – по другим, от монарха – в вопросах масштабной безопасности.

Почему юрисдикции должны регулировать личную жизнь? Для такого регулирования нет никаких оснований, кроме разве

что религиозных и идеологических атавизмов, которые одни люди пытаются навязать другим.

Упрощенные иммиграционные законы и двойное гражданство, допускаемое в некоторых странах, еще больше превращают юрисдикцию в фикцию, когда речь идет об определенных национальностях. Конкуренция между юрисдикциями может уменьшить их запросы и свести к минимуму традиционное гражданство. Большие страны могут увеличить привлекательность гражданства, предложив социальные программы, иммунитеты в той или иной форме и т. д. Гражданство может быть премиум-класса, недоступным для большинства. Великобритания защищала свои торговые компании за границей так, как сегодня Америка не защищает своих граждан.

В условиях глобального рынка корпорации становятся все больше и больше. Какой смысл запрещать увеличиваться государствам? Граждане – это те же потребители. У них похожие вкусы, общая национальная идентичность и приверженность к одному бренду, и они могут платить высокую цену за комфорт и безопасность. В действительности решающее значение имеет не размер, а конкуренция. Мегакорпорации с успехом предлагают своим потребителям самые разные товары, будь-то изделия премиум-класса или второсортные подделки стран третьего мира. Государства и иные юрисдикционные

институты могут быть любого размера; важно, чтобы граждане имели возможность менять юрисдикцию с той же легкостью, что и телевизор.

Если государство свернет социальное обеспечение и субсидии, многие крупные города постигнет крах, но крупные юрисдикции выживут, поскольку их поддерживает политический консенсус большинства граждан. Политические партии предлагают разные решения проблем, но при этом согласны по вопросу необходимости центрального правительства. Крупные юрисдикции могут стать более гибкими: например, передать часть функций городам или предоставить меньшинствам право самоуправления. Если упразднить территориальную монополию на юрисдикции, люди могли бы выбирать между разными юрисдикциями, большими и маленькими, основными и нишевыми.

Глобальная экономика уже сейчас предоставляет людям выбор между государствами в отношении корпоративного и налогового законодательства. Отдельные люди и компании могут извлекать выгоду из низких налогов, хорошей защиты собственности и других преимуществ, которые предоставляют государства, конкурируя за их деньги. Почему бы не охватить конкуренцией все аспекты административного законодательства, предоставив всем равный выбор вне зависимости от уровня доходов?

Переход к конкурентным юрисдикциям

Правительства не допускают юрисдикционную конкуренцию и запирают людей в национальных государствах. Монополия на граждан позволяет правительствам брать с граждан любые налоги вне зависимости от качества оказанных услуг. Как и в случае экономических монополий, конкуренция с мини-юрисдикциями может остановить злоупотребления государства, заставить его понизить налоги и улучшить услуги.

Владельцы частных сообществ и жители городов будут сопротивляться появлению «иностранных» анклавов в своих границах. Если частная собственность на землю позволит установить суверенитет над ней, то землевладельцы станут не продавать землю, а предоставлять ее в аренду. Почему же нужно отказываться национальным государствам в аналогичном праве сопротивляться новым юрисдикциям на своей территории? Обязаны ли они продавать свободную землю всем желающим, даже зная, что те собираются провозгласить независимость? Единственное, что отличает государство от города, – это монополия. Никакое образование не может быть принуждено уступить часть своей территории желающим создать другую юрисдикцию, если поблизости имеется свободная земля по рыночной цене. Поскольку люди занимают лишь крохотную

часть обитаемой территории суши, а с увеличением урожая уменьшается потребность в пахотной земле, нет никакого смысла опасаться ни приватизации всей земли на планете, ни сговора владельцев с целью повышения цены на землю. Если кто-то хочет создать собственное мини-государство, для этого достаточно купить землю по разумной цене, и никакой необходимости в насилии нет. Конечно, нельзя позволить создавать юрисдикции вообще на любой земле, например, посреди города, но только на свободной земле.

Землевладение уже сейчас сильно фрагментировано. Если наделить суверенитетом каждый земельный участок, на некоторое время возникнет хаос, пагубный для экономики. Ущерб будет невелик, если сообщества воздержатся от создания сложных законодательных систем. Они будут похожи друг на друга, что облегчит экономическое взаимодействие. Суверенитет нужно давать только новообразованным сообществам на ранее незаселенной земле. Наделять суверенитетом уже существующие города непрактично, поскольку это затронет местное имущество людей, на данный момент живущих в других местах: город может радикально изменить законы, относящиеся к имуществу, вплоть до его национализации. Национальные государства никогда не позволят существующим городам отделиться, зато они вполне могут разрешить диссидентам уехать в новые суверенные

поселения – так можно избавиться от ненужных революционеров. Возросшая сила государств относительно людей подавляет угрозу революции, налоговые ресурсы помогают подкупать недовольных, но высокие моральные запросы развитых обществ делают государства более чуткими, так что подкуп лишь увеличивает число социальных запросов. В целом революционное давление по-прежнему остается потенциально высоким. Экономические диссиденты уезжают в другие юрисдикции вместе с деньгами, которые для государств важнее, чем их владельцы. Как только недовольные начнут уезжать в безналоговые поселения, это послужит примером для других граждан, и юрисдикционная монополия государств скоро выродится. Впрочем, политикам отдаленные последствия мало интересны, они могут предпочесть дать выход недовольству сейчас, особенно когда умные радикалы обращаются к терроризму.

Моральная борьба в духе Ганди, Кинга или Манделы может быть эффективна против репрессивного режима, но с Большим Братом, который не подавляет, а создает общественное мнение, можно справиться только асимметричными действиями. Анархисты берут пример с Моисея, который с помощью асимметричной угрозы заставил государство признать право граждан покинуть его юрисдикцию. Неудивительно, что политкорректность разрушает государства самыми разными

способами, ведь лицемерная нравственность разрушает эффективные институты, деятельность которых направлена на достижение власти. Например, мультикультурализм вынуждает государства принимать иммигрантов из разных культур и даже поощрять разнообразие вместо ассимиляции в единую нацию. Многие жители развитых стран на самом деле против засилья иностранцев. Когда негры, азиаты и латиноамериканцы станут большинством и придут к власти, отдельные американцы начнут настаивать на автономии своих «европейских» сообществ, создав прецедент культурно однородной юрисдикции. Автономия – это компромисс между целесообразностью большого государства и комфортом культурной однородности. Другой пример: гуманизм выступает против ударов по гражданскому населению, тем самым намеренно отделяя граждан от своих государств. Но если народ не несет ответственность за свое правительство, он не обязан ни принимать, ни даже уважать его.

Если нация не обладает суверенитетом, встает вопрос о владении природными ископаемыми. Устоявшиеся государства не допускают даже мысли об отделении регионов, богатых природными ресурсами. Новые юрисдикции не смогут купить землю с известными месторождениями ископаемых, потому что она окажется для них слишком дорогой. Даже если они ее купят, они не смогут на этом заработать, поскольку стоимость ресурсов

будет учтена в стоимости земли. Прибыль возможна только при трех сценариях: получение земли бесплатно, как делают национальные государства; самостоятельное обнаружение ископаемых; сговор с другими игроками с целью повышения цен на ресурсы. Социалисты должны выступать против государственного владения природными ископаемыми, поскольку считают это незаслуженным доходом, но социалисты тяготеют к национализму. Общество может не признавать право на ископаемые в случае, если их так мало, что владельцы участков с этими ископаемыми становятся монополистами.

Ликвидация национальных государств не обязательно должна происходить революционным путем. Тускнеющие экономики и международное налоговое планирование ослабляют возможности государств по обложению налогом. Различные группы интересов выдвигают к демократическим правительствам все больше требований, что увеличивает их расходы. Из истории известно, что когда элита теряет власть и на ее место приходят новички, государство рушится, но затем круг социального перераспределения повторяется заново: уже новые группы требуют части бюджетного пирога от тех, кто дорвался до власти. Поскольку требования перераспределения государственных расходов постоянно растут, не прекращаясь даже после замедления роста ВВП, возникает такой бюджетный

дефицит, покрыть который не может ни инфляция, ни облигации.

Анархисты могут ускорить этот процесс, потребовав снижения налогов. Поддерживать группы интересов, требующие увеличить государственные расходы, полезно, но аморально. Другой полезной политикой может быть провокация недовольства среди групп интересов: создание нейтральных законов, не учитывающих интересы никаких слоев населения; отмена устаревших законов; запрет бюджетного дефицита в мирное время; прописывание бюджетных статей в процентном соотношении от ВВП. Могут быть и другие меры: наделение меньшинств ограниченным суверенитетом; передача законодательных функций региональным властям с одновременной защитой частной жизни от вмешательства государства; создание арбитражных судов.

Многим не нравится идея добровольной благотворительности. Анархисты должны доказать, что она работает, что она способна обслуживать узкую прослойку людей, не способных зарабатывать на жизнь. Эти меры не будут заметны в социальных государствах и не сильно улучшат жизнь бедняков в примитивных экономиках. Иными словами, сами бедняки разницу увидят, но наблюдатели в богатых странах – нет. В выгодном положении находятся

полуиндустриализованные страны с невысоким уровнем бедности и неразвитым социальным обеспечением.

Анархисты зря апеллируют к подавленной жажде свободы. Более правильно было бы затрагивать струны личных интересов людей. Средний класс совсем не радуется, что он является главным источником финансирования бюджетных трат. Точно так же жители мегаполисов не в восторге от того, что они спонсируют сельскую инфраструктуру. Если перестать перераспределять ресурсы в пользу экономически слабых регионов, у них исчезнет последний стимул оставаться в национальных государствах. Люди могли бы обрадоваться праву отказаться от социальных пособий со стороны государства в обмен на освобождение от соответствующей доли налогов. Если установить бюджетные расходы не в денежном выражении, а в проценте от налогов (например, «5% подоходного налога тратится на начальное образование»), это поспособствует персонализации налогов: люди смогут отказаться платить часть налогов и, соответственно, не требовать каких-то услуг.

Анархисты сами против принуждения и не должны принуждать других. В мире монопольных юрисдикций выйти из состава государства практически невозможно. Но анархистам и не нужны революции: достаточно потребовать автономии для собственных сообществ.

Практические аспекты анархистских сообществ

Анархистские сообщества как самые крупные административные единицы с единообразным законодательством более правильно называть соседствами, поскольку они в буквальном смысле состоят из соседей – людей с похожими взглядами и поведением. Кому принадлежит право собственности на такие образования? Эта проблема сейчас актуальна для муниципальной собственности: в теории она принадлежит общественности, но на практике отчуждена от нее.

Однако сообщества в публичной собственности вполне могут эффективно функционировать. Один из возможных вариантов – корпорация, которая будет выпускать акции для покупки земли для сообщества, строить инфраструктуру и управлять поселением, как обычная публичная акционерная корпорация. Схожим образом функционировали итальянские города-государства эпохи Возрождения.

Есть ли у такого «акционерного города» преимущества над городом обычным? Либералы не против коллективной собственности как таковой, но лишь против неопределенного права собственности, когда неизвестно, кто чем владеет. Владельцы контролируют управление своим имуществом и удерживают менеджеров от ошибок, только если имущество им действительно принадлежит. Если имущество нельзя продать (например, теоретическую долю в муниципальной корпорации),

собственность теряет эффективность, начинается управленческий произвол.

Есть еще вариант закрытого акционерного общества. Хотя в теории владеть акциями могут только жители, на практике это могут сделать и другие лица, если решат поселиться в сообществе или заключить трастовый договор с кем-то из его жителей.

Экономически и идеологически однородные сообщества, функционирующие как кооперативы, во многом похожи на маленькие города. В эгалитарных сообществах можно ограничить число акций на каждого акционера.

Другое важное отличие таких сообществ от привычных муниципалитетов – голосование на основе имущественного ценза. Вес голоса может быть как одинаковым для всех (кооперативы), так и полностью пропорциональным инвестициям в публичную собственность (корпорации). Вес голоса также можно поставить в зависимость от стоимости земли или размера муниципальных налогов гражданина. Наниматели жилья будут голосовать только в коммунистических сообществах и в тех, где вес голоса зависит от размера налога.

При таком разнообразии типов собственности люди будут выбирать между сообществами, как сейчас они выбирают между бизнесами. Кто-то предпочтет небольшое частное сообщество,

кто-то – более крупное акционерное. Каждое сообщество будет продавать разрешения на жительство, чтобы посторонние не смогли пользоваться инфраструктурой, оплаченной его членами.

Какой смысл покупать акции сообществ? За определенное число акций можно получить право на жительство. Акционеры могут взимать с прочих жителей плату за пользование муниципальными услугами, налог на недвижимость, членские взносы. Точно так же рабочие пользуются оборудованием, принадлежащим акционерам, в обмен на «налог» в виде произведенной добавленной стоимости.

Передвижение между сообществами из соображений удобства будет в основном безвизовым, за исключением тех, жители которых придерживаются радикальных политических взглядов или сомнительных нравственных ценностей. Выдача виз должна быть исключительно добровольной, сообщества нельзя принуждать к этому.

Охрана границ сообществ вряд ли возможна. Сообществам придется налаживать внутренний контроль, например, с помощью сканеров отпечатков пальцев. Можно отменить наличные деньги и ввести систему электронных платежей с авторизацией по отпечаткам пальцев: нелегальные поселенцы не смогут ничего купить и уедут.

Социалистам, падким до чужого, всегда не нравилась идея закрытых сообществ. Но если человек имеет право закрыть

дверь своего дома, почему этого права нет у компактных сообществ? Сообщество имеет полное право запретить доступ к своей инфраструктуре, как человек запрещает доступ к имуществу своего дома. Государства закрывают двери от иммигрантов и даже гостей, причем в таких масштабах, к которым никакое сообщество не сможет даже приблизиться.

Что если несколько сообществ договорятся окружить и задушить ненавистное им поселение? Такой сговор будет считаться неприемлемой монополией, хотя в эпоху авиации он и не так страшен. Доставка грузов может усложниться, но сообщество отверженных в любом случае будет мало торговать. История полна примеров недовольных групп, порвавших связи с внешним миром. Такие группы либо со временем доказали свою правоту, либо вымерли. Разительно отличаться от нормы – это роскошь, требующая воли и решимости. Чтобы выжить, общество должно быть довольно консервативным. Новые идеи должны доказать свое право на существование, а для этого им необходимо преодолеть барьер недоверия и ответных репрессий со стороны большинства.

Хотя частные юрисдикции могут превратиться в монополистов через скупку земель, вероятность этого не выше, чем для корпораций стать монополистами через скупку других корпораций. Сообщества-юрисдикции продают каждое свое гражданство. Оно реально не может быть монополизировано:

этому препятствуют те же силы, которые мешают монополизации на других рынках. Никакое государство не в состоянии купить всю землю и запретить въезд новым людям: чем больше земли оно покупает, тем выше цена остальной земли, и тем сложнее ему скупить всю землю. Покупка земли, не предназначенной для заселения, экономически бессмысленна, а внеэкономические политические амбиции нежизнеспособны.

Скорее всего, небольшие частные сообщества будут конфликтовать друг с другом даже чаще, чем нации, но не всякая турбулентность плоха. Мелкие стычки способствуют перенастройке общества, предотвращают крупные конфликты в политическом и бюрократическом истеблишменте, не позволяют ему затвердеть и стать бесчувственным к потребностям людей.

Небольшие сообщества способны решить, возможно, самую сложную интеллектуальную проблему нашего времени – искусственное создание общественного согласия, при котором тоталитарные властители становятся любимым Большим Братом. В маленьких странах с подвижным населением не может возникнуть монополии на идеологию. Разные сообщества будут предлагать разные идеи, и у людей всегда будет выбор. Продвигать базовые ценности бессмысленно, поскольку они и так широко приняты. Нынешние правительства продвигают текущую политику, финансируя обман избирателей их же налоговыми отчислениями.

Сельские жители не обожествляют кровавых вождей, как в урбанизированном Советском Союзе поклонялись Сталину. Люди на местах больше интересуются местной инфраструктурой, чем идеологией, внешней политикой, экономикой и прочими подобными вещами, по которым даже политики и ученые не могут прийти к единому мнению.

Малые группы более разумны, чем массы. Если в небольших общинах отдельные люди влияют на принятие решений, то в больших обществах они просто теряются в общей массе. Очень немногие люди способны лично влиять на ход событий. Когда ты становишься частью толпы, ты отказываешься от индивидуальности и права на собственное суждение. Нужно сотрудничать со своей группой и конкурировать с посторонними. Невозможно конкурировать с группой – она слишком большая.

Сообщества не смогут искусственно формировать общественное мнение. Пресса, распространяемая в политически разношерстных юрисдикциях, будет содержать более широкий спектр взглядов. Пресса ориентирована на прибыль, а прибыль в основном зависит от политического влияния. Поскольку в маленьких общинах политическая власть распределена более равномерно, они не очень привлекают прессу. Следовательно, предвзятости в СМИ будет меньше.

Инакомыслие недешево. Рекламодатели игнорируют асоциальных людей, не являющихся лояльными потребителями. Продвигать периодические издания и теле- и радиoprogramмы для маленьких, разбросанных аудиторий слишком дорого, и потому для них на первый план выходят Интернет и недорогое спутниковое вещание. Доставка СМИ в сообщества инакомыслящих, где нишевая аудитория сконцентрирована в одном месте, стоит недорого, а их коллективная покупательная способность привлекает рекламодателей.

Независимые сообщества реализуют идею распределенной юрисдикции как альтернативы единому национальному государству – политическому эквиваленту плановой экономики. Следовательно, в сообществах могут поселиться только взрослые люди по взаимному согласию. Это оставляет открытым вопрос детей, душевнобольных и престарелых, не способных передвигаться.

Маловероятно, что в сообществе будут плохо относиться к детям или истреблять стариков и умственно отсталых. Дети есть в большинстве семей, старость ждет всех, а психическим заболеванием может заболеть близкий человек. Когда нацисты стали убивать душевнобольных, это вызвало такой резонанс внутри и вне страны, что рано или поздно эту политику пришлось прекратить. Нюрнбергский суд показал, что люди готовы менять законы и даже придавать им обратную силу,

чтобы пресечь и наказать виновных в ужасных преступлениях. Точно так же могут действовать и анархистские сообщества в случае очевидных преступлений против человечества – произвольными военными мерами. Это очень редкое событие, и оно не требует отдельного законодательства. Попытки описать в законах все возможные ситуации заведомо обречены. Свободные анархистские сообщества не должны повторять ошибку бюрократического государства – создание законов для всех мыслимых ситуаций.

Если родители пренебрегают своими детьми, должно ли общество вмешиваться? Если оценивать по современным меркам, в примитивных странах пренебрегают своими детьми почти все родители. До второй половины двадцатого века большинство родителей и некоторые школы применяли телесные наказания. Даже на Западе общественное образование стало нормой только в конце девятнадцатого века. Требования, которые сегодня предъявляются к родителям, слабо связаны с благополучием детей. Благоразумные родители всегда заботятся о детях и воспитывают их. Иначе зачем их заводить? Много споров ходит о том, каким именно должно быть правильное образование. Многим не нравится, что детям навязывают религиозные убеждения, но ведь молодежь часто отказывается от религиозных и культурных взглядов родителей, повзрослев. Родители хотят влиять на развитие ребенка за счет выбора

школы, а уравнивательная система государственного образования перечеркивает всякое культурное разнообразие, затрудняя общественную эволюцию. Разнообразные школы в сообществах улучшат образование. Нет оснований ожидать, что в свободных сообществах дети станут жертвами произвола.

Общественное право собственности на городские улицы, возможно, не самая удачная идея; даже улицы можно приватизировать. Население должно делегировать функции управления и обслуживания улиц коммерческим компаниям. Если будет управлять муниципальным хозяйством самостоятельно, бюрократия разрастется. Улицы можно сделать платными, как дороги в Сингапуре. Если человек слишком беден, он может переехать в более дешевое место. Мониторинг использования улиц не равнозначен тоталитарному контролю. Можно выпустить анонимные предоплаченные карты, с помощью которых можно будет платить по факту использования.

Приватизировать улицы и парки в существующих городах, скорее всего, не стоит, поскольку общественность уже оплатила создание инфраструктуры и вправе рассчитывать на ее безвозмездное использование. Вместо этого правительства могут просто перестать создавать новые города и расширять существующие, расчистив путь для новых, частных сообществ с частными улицами.

Когда население коллективно оплачивает инфраструктуру, в этом нет ни равенства, ни пропорциональности. Муниципальные расходы финансируются налогами с продаж и недвижимости. Подобная система финансирования муниципальных услуг просто неразумна. Это как если бы в ресторане счет предъявлялся не за фактический заказ, а по цене одежды клиента (налог с продаж не относящихся к делу товаров) или его дома (налог на недвижимость). Это как плата за несъеденный обед: жители финансируют общественный транспорт вне зависимости от того, пользуются они им или нет; парки, которые они редко посещают; полицию, хотя не совершают преступлений (зато преступники не обязаны оплачивать свое задержание).

Одна из причин роста регулирования и налогов состоит в том, что они незаметны. Кто против того, чтобы студенты-медики учились дольше и лучше? Но больше расходов на образование – это и больше денег, и меньше рабочих лет. В итоге стоимость медицинских услуг существенно возрастает. А какой квартиросъемщик будет против строгих строительных норм? Только тот, кто понимает, что строгое выполнение завышенных норм оплачивается за счет арендной платы.

Хороший пример есть у американского правительства. Закон об уменьшении документооборота требует, чтобы на каждом бланке указывалось, сколько времени тратится на его

заполнение. Сообщества должны поступать подобным образом – оценивать в деньгах все регуляторные инициативы, чтобы люди знали, сколько они порождают косвенных расходов. Самый простой способ обеспечить достоверность расчетов – откуп: вместо соблюдения норм нарушитель платит штраф, лишь немного превышающий затраты на точное соблюдение; в этом случае, законодатель не будет занижать стоимость принимаемых актов. Разумные люди всегда предпочтут усовершенствовать свое имущество, выполнив разумные нормы и требования, чем потратить эти же деньги на штрафы. На смену нормам безопасности может прийти обязательное страхование: частные эксперты оценивают риски лучше, чем бюрократы. Везде, где только можно, налоги должны заменять регулирование. Помогать инвалидам – задача общества, а не владельца дома. Если обществу нужны инвалиды, оно должно за них платить, а не перекладывать на владельцев домов обязанность установки рампы. Возьмем загрязнение выхлопными газами: водители загрязняют атмосферу, которой дышат другие люди, и, следовательно, должны платить за более чистый бензин и катализаторы. Но когда владельцы домов не обеспечивают доступа для инвалидов, они не наносят им вред, и потому не обязаны платить за это.

Анархистским сообществам придется сотрудничать по самым разным вопросам, таким как поимка сбежавших

преступников и охрана окружающей среды. В идеале сотрудничество должно быть негативным: запрет укрывательства осужденных, запрет загрязнения и т. п. Таким способом сотрудничают даже недружественные страны. СССР и Австрия совместно занимались профилактикой загрязнения Дуная. Люди могут прекрасно сотрудничать друг с другом без вмешательства со стороны государства.

Как именно могут сотрудничать анархистские сообщества? Пример Лиги Наций и ООН показывает, что международный парламент, устроенный по принципу «одна страна – один голос», не работоспособен. Прежние соглашения, основанные на балансе сил, были более прочными, но многие анархисты отвергают силу в любом виде.

Почему у ООН не получается эффективно функционировать? Потому что она функционирует как национальный парламент – ставит позитивные цели. Конфликты возникают по поводу распределения ограниченных ресурсов, финансирования гуманитарных программ по линии ООН, миротворческих миссий и передела границ. Если бы ООН перешла к чисто негативному подходу, она избежала бы многих проблем.

Гипотетическая «Организация Объединенных Сообществ» тоже не должна заниматься распределением. Если возникает необходимость создать общую для нескольких сообществ

инфраструктуру, ее строят и затем эксплуатируют частные компании. Если одно сообщество постигает стихийное бедствие, другие могут послать ему гуманитарную помощь – а могут и не посылать. «ООС» должна заниматься только пресечением насилия: покушение на территорию, нарушение контрактов и т. п. – своего рода межобщинный уголовный суд. Она также может способствовать унификации законодательства сообществ. Каждое сообщество должно иметь право отвергнуть общие законы. Естественно, это затруднит его экономическое взаимодействие с другими сообществами.

Конкурирующие юрисдикции

Современная политическая теория признает и право, и целесообразность суверенитета этнических и религиозных групп. Получив суверенитет, такие группы смогут полностью реализовать свои культурные чаяния и перестанут раздражать других. Политические взгляды не слабее религиозных, и политические меньшинства тоже имеют право на собственные юрисдикции.

У государств нет никакого морального права интегрировать диссидентские регионы. Группы с разными ценностями и интересами не могут мирно сосуществовать, потому что не могут доверять друг другу. Есть только один

способ преодолеть сепаратизм – заменить старые ценности и идеалы на новые, смешав разнотипные группы. Только полицейское принуждение и массивированная редистрибуция доходов заставят столь разные группы сосуществовать. Как только эти фактору ослабнут, сепаратизм поднимет голову. Европейские объединительные тенденции часто переоценивают, хотя во многих отношениях европейцы и стали единой группой. Евросоюз достиг интеграции только по базовым вопросам – общее законодательство ничтожно мало в сравнении с национальными. В ЕС не смогли договориться даже по общей конституции, а ведь это рамочная основа интеграции.

С одной стороны, невозможно заставить людей принять ненавистные им мнения и поведение; с другой, не существует справедливых способов подавления инакомыслия. В безудержном стремлении к расширению влияния и территории демократические государства заставляют своих граждан принимать чуждые им взгляды, уживаться с неприятными соседями. Либертарианизм сокращает сферу неприемлемого, еще больше выставляя напоказ неприемлемые формы поведения. Мини-юрисдикции – это способ комфортно сосуществовать среди тех, кто разделяет твои взгляды. При этом проблема инакомыслия решается за счет миграции в соответствующие сообщества с другими взглядами.

Конкуренция юрисдикций – это историческая норма. Предприимчивое, мобильное, экономически активное меньшинство всегда имело возможность переехать в другой город-государство. Ограничение иммиграции, – это инновация, прочно вошедшая в практику государств только в начале двадцатого века. Американские колонии изначально были частными юрисдикциями. Даже несмотря на отсутствие конкуренции за граждан и постоянные конфликты с местным населением, порядки в них были мягче, чем в государствах. В колониях был минимум налогов и законов. Колониальные законодатели противостояли власти губернаторов и опирались на население – сравните это с современными государствами, в которых конкуренция с исполнительной властью номинальна, а парламенты отчуждены от граждан. Система сдержек и противовесов функционирует только при наличии противоборствующих интересов. В демократических странах президент и парламентарии конкурируют по вопросу, какие группы получают государственные ресурсы, но сговариваются против народа – источника этих ресурсов. Население демократических стран убеждено, что правительство работает ради их блага, и слабо контролирует их работу. В частных юрисдикциях конфликт интересов более выражен, и потому система сдержек и противовесов работает эффективнее.

В мелких юрисдикциях возможен приход к власти небогатых людей. Сейчас политикам приходится оплачивать дорогую рекламу в общенациональной прессе, и они вынуждены объединяться с финансовыми кругами. Небольшие государства также более прозрачны, в них меньше коррупции, бессмысленных бюджетных трат и прочих бюрократических издержек.

Пытаясь заполучить максимум поддержки, политики боятся кого-то обидеть, и потому их программы никогда не бывают конкретными. Чем больше страна, тем больше в ней различных групп интересов и тем больше политики боятся конкретики. Все это не что иное, как питательная среда для появления демагогов. У небольших юрисдикций могут быть гораздо более компетентные правители. Правительства не могут обслуживать интересы многих конкурирующих групп населения одновременно. Каждое действие правительства направлено на поддержку той или иной группы за счет остальных. В результате правительство не может проводить последовательную политику, потому что завязло в бессистемной массе проектов и начинаний, произвольно отнимая у одних и давая другим. Большие современные правительства слушают не здравый смысл, а наиболее многочисленных или шумных лоббистов, что лишь обостряет недостатки демократии в неизоморфных обществах.

Глобализация стимулирует конкуренцию между государствами и ограничивает злоупотребления внутри них. Государства предлагают на продажу дипломатические назначения, гражданство, корпоративные регистрации, налоговые льготы. Анархисты должны протестовать против политики развитых стран, которые подкупают страны третьего мира, чтобы те отказались от предоставления налоговых убежищ. Репрессивные тарифы, ограничения платежей в страны с недостаточным законодательством по отмыванию денег, дискриминация офшорных компаний – важные препятствия для свободной конкуренции государств.

Размывая границы и устраняя тарифы, глобализация разрушает монополию государств. Упрощается переезд в другую юрисдикцию. Без высоких таможенных тарифов невозможны чрезмерные налоги. Гибкие рынки капитала способствуют быстрому развитию новых экономик.

Богатые государства распространяют свое влияние; богатые люди, напротив, удаляются в безопасную гавань индивидуализма. Эта дихотомия постепенно разрушает империи. Для государств номинальная власть над большой территорией обычно привлекательнее, чем реальная власть над небольшой территорией. Большие территории с разными группами управляются довольно расслабленно. Глобализация государственной власти посредством альянсов наподобие

Евросоюза ограничивает ее до самого низкого общего знаменателя. Ранние глобальные институты, от империй до Церкви, хорошо усвоили, что распространение влияния ослабляет его, сводя к дани (империи) и самым общим доктринальным положениям (Церковь). Глобализация отдаляет центральную власть от местных жителей, что открывает дверь для самоопределения групп.

Глобализация ослабляет власть на местах. Сверхкрупные глобальные организации с разносторонними интересами лоббировать сложнее, чем местную бюрократию. Такие организации не так плотно контролируют дела на местах, они меньше вторгаются в частную жизнь, чем национальные правительства. Глобальные образования, такие как ООН, могут поддержать малые юрисдикции, ведь их контролировать легче, чем мегагосударства. Столкнувшись с манипулированием со стороны больших стран, международные организации могут обратиться за поддержкой и правосудием непосредственно к населению, позиционируя себя как защитников общечеловеческих идеалов и самоопределения групп. Переход от городов-государств к национальным государствам поддерживался новыми идеями, которые дискредитировали само представление о городе-государстве. Точно так же и глобальные организации однажды решат, что настало время покончить с национальными государствами.

В глобальном сообществе мини-юрисдикции будут играть ту же роль, что сегодня города внутри страны: у них будут какие-то общие законы, но в основном они будут независимы друг от друга, конкурируя между собой за жителей. Культурно разнотипные страны стремятся к наименьшему общему знаменателю в межгосударственном законодательстве, и потому в нем меньше места для злоупотреблений, чем в национальных законах. В глобальном обществе мини-юрисдикциям не потребуется много общих законов. Поскольку на глобальном уровне плотное управление невозможно, возрастет роль рынка. Стоило Церкви потерять монополию, как тут же рассеялось ее жесткое централизованное влияние на общественную жизнь и на сцене появились множество конкурирующих религиозных конфессий. Концентрация власти в межнациональных образованиях ослабляет ситуацию на местах, создавая почву для появления конкурирующих юрисдикций.

Община соседей – это естественная форма существования общества. Исторически центральная власть почти не вмешивалась в общинные отношения, довольствуясь налогами и рекрутами. Временами политика невмешательства доходила до полной автономии чужаков (статус «дхимми»).

Национальные государства зависят от искусственной идентичности: они пропагандируют нацию в противовес естественно сложившимся группам. Нации подавляют

конкурирующие идентичности, поскольку национальная идентичность слишком слаба, чтобы выдержать конкуренцию. Им нужна однородная идеология, и потому они искореняют автономию – силой или субсидиями. Национальные государства воспользовались достижениями в области коммуникаций и транспорта, чтобы пресечь «суверенитет» сообществ, ранее чересчур удаленных от центральной власти.

Дальнейшие открытия перенесли центр власти еще дальше вверх, от национальных государств к региональным организациям, которые отражают только самые основные общие интересы (торговля, миграция, оборона) и обычно не вмешиваются в личную жизнь. «Региональные государства» вполне могли бы вернуться к исторической норме, когда центральная власть берет на себя только те функции, которые все сообщества понимают одинаково: скажем, права человека, но не брачный возраст.

Централизация функций только по согласию сообществ вернет и другую историческую норму – множественные союзы. Сообщества будут делегировать оборону НАТО, торговлю – ВТО, международную полицейскую работу – ООН, управление экономическими кризисами – ВМФ и т. д. Межнациональные организации отнимают такие функции у национальных государств, после чего последние теряют легитимность и демонтируются. Национальные государства затрудняют

региональное строительство, которое, в свою очередь, подрывает их жизнедеятельность, узурпируя денежные, финансовые, оборонные и другие ключевые функции.

Культурно однородные сообщества, взаимосвязанные посредством разных альянсов, – это одновременно и прошлое, и будущее человечества.

Жизнь в частных юрисдикциях

Представить в подробностях реалии анархистского общества еще сложнее, чем планировать экономику: мы знаем, какая она сегодня, но не завтра. Впрочем, основные тенденции очевидны.

У частных юрисдикций больше права на суверенитет, чем у государств, потому что последние не владеют землей сами, но управляют ей от имени народа. В теории население национальных государств имеет суверенные права, но на практике использует их редко, поскольку их узурпировали политики, бюрократы и разного рода лоббисты. Всеобщее охлаждение к выборам показывает, что граждане понимают: их отстраняют от законодательного процесса. Частные юрисдикции честно признают невозможность распределенной власти и утопичность идеала, когда миллионы граждан мега-государства с взаимоисключающими интересами управляют страной ради

общего блага. Конкурентная, хоть и частная и потому авторитарная законодательная система – это лучше, чем недостижимый идеал представительского правительства. Частная юрисдикция выигрывает у национальной демократии в сложной адаптивной системе человеческого общества. Она более предсказуема, поскольку опирается на стабильный личный интерес владельцев, минимальное регулирование и относительно небольшую территорию, слишком незначительную, чтобы создать искажения в глобальной политике, экономике и культуре. Среднестатистический владелец мини-юрисдикции умнее и нравственнее и бюрократов, которые поднимаются по карьерной лестнице благодаря верности начальству, и коррумпированных политиков.

Может казаться рискованным позволять одним людям устанавливать правила для других. Однако наниматели жилья подчиняются правилам своих арендодателей, чужаки нередко поколениями живут в принимающих странах без права голоса, а граждане редко когда влияют на законы, даже если ходят на выборы. Жители частных юрисдикций могли бы голосовать точно так же, как это делают потребители – долларами и ногами, то есть переезжая в другие сообщества, которые им больше по вкусу. У граждан национальных государств нет подобного контроля над законодательной системой: они не могут получать право на жительство и работу в других юрисдикциях.

Конкуренция подразумевает возможность перейти к чему-то другому. Конкуренция между государствами реализуется через право покинуть государство и присоединиться к другому – что возможно только при наличии большого числа юрисдикций на компактной территории.

Мелкие акционеры в корпорациях пассивны точно так же, как граждане по отношению к государствам. У всех акционеров одна и та же цель – получить прибыль, и большое число разных компаний предлагают возможность достичь этой цели. В национальных государствах это не так: их граждане зачастую имеют диаметрально противоположные интересы. Негативное законодательство не позволяет удовлетворять конфликтующие запросы граждан, а произвольное позитивное регулирование раздувает конфликты, дискредитирует представительское правительство, создает целую сеть произвольных альянсов, якобы решающих конкретные проблемы, но на самом деле обманывающих население. Нет более коррумпированной системы, чем государство с позитивными законами.

Корпоративные юрисдикции, которыми владеют и управляют корпорации, могут быть очень комфортными для жизни. В них не нужно ни присягать на верность, ни участвовать в идеологических войнах, ни платить налоги на раздутые государственные расходы – достаточно лишь платы за жилье. В небольших частных городах меньше стресса, чем в мегаполисах.

Пока владелец лишен монополии, он вынужден удовлетворять своих клиентов-граждан, чтобы росли спрос на его новые поселения и стоимость жилья в существующих. Он должен заботиться о том, чтобы муниципальные законы были объективными, налогообложение – справедливым, а полиция – относительно честной. Корпорации владеют огромными богатствами, но формально лишены права голоса, и они будут только рады возможности создать собственные юрисдикции. Чтобы переманить к себе жителей и как-то компенсировать отсутствие у них избирательного права, корпорациям придется предложить чрезвычайно выгодные условия.

Отсутствие внутренней конкуренции на муниципальном уровне, аналогичное частным юрисдикциям, является нормой. Невозможно вывести на улицы неограниченное число частных автобусов. Сторонники полностью свободного рынка правы, когда предлагают конкуренцию частным шоссе, но городские улицы – другое дело, их число всегда ограничено. Это естественное ограничение не позволяет применить к улицам частную инициативу. Вряд ли возможно позволить «дорожным» предпринимателям конкурировать за потребителей в каждом городе. Можно сделать по-другому – дать частным муниципалитетам возможность выбрать предпринимателей для своего города, и пусть города конкурируют между собой.

Конкуренция невозможна на уровне дорог, но вполне оправдана на уровне городов.

Главная проблема частных юрисдикций – пространство для законодательных злоупотреблений. Эксплуатируя трудности людей с переездом в другие юрисдикции, владельцы могут ввести репрессивные законы, начиная от высоких налогов и заканчивая судебным произволом. Впрочем, подобные злоупотребления очень скоро приведут к опустению сообщества, из которого уедут все жители: в мобильных экономиках стоимость переезда невысока. Крупные корпорации, владеющие многими сообществами, будут вынуждены поддерживать свою репутацию, чтобы сохранить спрос, и потому недовольство жителей им невыгодно. Сегодня сообщества, принадлежащие инвесторам, гораздо либеральнее муниципалитетов, поскольку они предъявляют к жителям меньше требований. Ведь поставщики редко обижают потребителей, хотя стоимость перехода к другому поставщику может быть довольно высокой.

Главным преимуществом частных юрисдикций над национальными правительствами будет законодательная стабильность. Без профессиональных законодателей, заинтересованных в увеличении числа законов, частные юрисдикции будут заниматься законотворчеством лишь

эпизодически. Когда поставщик часто изменяет правила торговли, потребители приходят в замешательство и уходят.

Как любые монополии, национальные юрисдикции по своей природе склонны к злоупотреблениям через увеличение цен (налоги) и ухудшение условий (регулирование). Частные юрисдикции могли бы занять вакантную землю и привлечь людей низкими налогами и необременительными законами. Скорее всего, у большинства сообществ законы будут одинаковыми. Их может сертифицировать какая-нибудь организация наподобие Американского союза защиты гражданских свобод.

Что если путешественник случайно окажется на враждебной территории? Скажем, если чернокожий окажется в сообществе «Ку-клукс-клана», он может стать жертвой местных законов Линча. Или как быть, если жители издадут закон, предписывающий конфисковывать имущество самого богатого жителя деревни? Подобные маргинальные ситуации требуют решения. Например, можно исходить из общего правила, что никто не может причинять вред другому человеку без его согласия. Конечно, согласие – понятие неоднозначное. Человек может поддерживать местные законы, но если против него будут выдвинуты обвинения, он эти законы отвергнет. Если человек имел возможность узнать местные законы и у него было достаточно времени, чтобы уехать, но он остался, – тогда можно

считать, что он согласен с законами. Этот подход неприменим к несовершеннолетним, о которых должны заботиться родители. Как только они достигают совершеннолетия, все принятые за них родителями решения могут быть аннулированы. При таком сценарии родители должны иметь право давать своим детям религиозное воспитание, ведь впоследствии дети часто отвергают веру родителей. Общество должно вмешиваться в семейные дела только при наличии серьезной угрозы для его благополучия, а не просто чтобы навязать какую-то модель образования.

Правосудие в частных сообществах

Правительства должны брать на себя только те функции, которые нельзя приватизировать. Таковыми являются функции, затрагивающие людей без их согласия. Например, частными могут быть гражданские суды: стороны в любом случае вынуждены обращаться к посредникам, у них нет другого выбора. Уголовные суды затрагивают людей вне зависимости от их согласия и потому не могут быть полностью частными. Вне зависимости от того, избирает ли судей общество или их нанимает государство, сама профессия судьи не частная по природе. Полиция – другое дело: сила вполне может быть частной, а общество должно ее лицензировать. Уголовные суды

почти не требуют управления, так что особого смысла в их приватизации нет.

Могут ли суды в частной юрисдикции быть честными? Если суд финансируется частными лицами, он может стать предвзятым. Но ведь и государство, платя судьям, не может ожидать от них объективности в вопросах, затрагивающих дела государства. Государственные судьи ангажированы не меньше, чем частные.

Жители не будут селиться в частных сообществах, суды в которых исполняют волю владельца. Можно организовать арбитраж: он дешевле, быстрее и менее обременителен, чем традиционные судебные процедуры. Конечно, даже сторонние арбитры могут принимать решения в пользу тех, от которых они зависят. Однако судьям невыгодна слишком сильная предвзятость, поскольку в таком случае жители просто перестанут прибегать к их услугам. В этом смысле можно сказать, что судей выбирают не только граждане, но и судящиеся стороны, и потому судьи должны прислушиваться к своему электорату. Простые, основанные на здравом смысле законы не оставляют места для судебного произвола. Это просто невыгодно владельцам сообществ: не в их интересах, чтобы их сообщества снискали дурную славу за беззаконие и произвол.

Все страхи о том, что судьи могут решать дела в пользу капиталистов и против рабочих, основаны на прецедентах

девятнадцатого века. Впрочем, даже те времена часто описывают в слишком мрачных тонах. Тогда судьи признавали равенство прав работодателей и рабочих, просто они не давали последним дополнительной защиты, а из-за избытка рабочей силы переговорная сила рабочих была невысока. Современные правозащитники привыкли к законодательству, диспропорционально защищающему рабочих, и поэтому ранняя судебная практика их шокирует. Часто решения выносились против профсоюзов: первоначально судьи считали их нелегальными картелями, но позже они получили иммунитет. Суды всегда были коррумпированы, а у капиталистов просто больше денег для взяток. Когда арбитров будет выбирать общественность, коррупция заметно сократится. Как показывают многомиллиардные судебные вердикты против корпораций, капиталисты неохотно идут на риск прямого подкупа судей. Еще с меньшей охотой это делают менеджеры корпораций: самое большее, что удастся извлечь из преступления, это сохранить рабочее место, зато при неудачном раскладе им грозит тюрьма. Библия предостерегает от предвзятости в пользу бедных в суде, из чего видно, что избранные судьи могут быть чересчур благосклонны к рабочим.

В современных обществах у богатых действительно есть судебное преимущество над бедными, но оно снижается, когда оппонентов становится много, как в случае коллективных исков.

Если у обеих сторон достаточно средств для судебного процесса, их позиции равны; между тем для корпораций судебные издержки часто гораздо выше, чем для частных истцов. Богатые более уязвимы, чем бедные, они всегда представляют собой привлекательную цель для судебных исков, и бедным выгодно собирать на это деньги.

Простота судопроизводства – вот главная причина, почему суды в частных юрисдикциях будут справедливыми. Без сложных законов адвокаты не смогут жульничать. Древние греки возмещали нехватку законов демагогией, но в современных судах вердикты присяжных уже не так сильно зависят от красноречия адвокатов. Спутниковая фотография, тесты ДНК и допросы с применением медицинских препаратов со временем могут сделать суды более объективными. В простой и равной судебной системе тяжбы между работодателями и работниками сведутся к простому выполнению контракта. Сторона, нарушившая контракт, считается виновной по определению.

Даже в странах, где любят подавать в суд, это делают редко. По большому счету полиция нужна немногим людям. Коммерческие суды и полиция были бы эффективнее, чем государственные. Нет оснований считать, что в частных юрисдикциях правоохранительная деятельность будет затруднена.

Поскольку бедность порождает преступность, бедные могли бы платить за услуги полиции больше, чем богатые. Впрочем, уровень преступности больше зависит от нравственных ценностей сообщества, чем от богатства. Праздная жизнь на социальные пособия превратила гетто субсидированного жилья в настоящие рассадники преступности. В частных юрисдикциях бедным придется тяжело трудиться. Они могут быть агрессивными, но не обязательно преступниками, как жители бедных районов современных городов. Они могут даже самостоятельно изгонять преступников, как это часто происходило в деревнях. Государственная полиция в любом случае плохо защищает граждан: она редко предотвращает преступления и никогда не платит жертвам компенсации, как делают охранные агентства в случае невыполнения своих обязательств. Полиция занимается только возмездием за совершенные преступления, что могут оплачивать сами преступники путем обязательной работы в тюрьме.

Концентрация преступников снижает среднестатистическую стоимость полицейской защиты в районе. Полиции нужно меньше следователей и больше участковых инспекторов, хорошо разбирающихся в местных делах. Жители кварталов с высоким уровнем преступности требуют наказания только за вопиющие преступления, а к мелким преступлениям и

полицейскому произволу относятся более терпимо. Зачастую люди сами неформально и предотвращают, и расследуют преступления. Богатые рассчитывают, что полиция и суды будут заниматься мелкими правонарушениями. В богатых районах содержание полиции будет дороже по нескольким причинам. Охранять нужно больше имущества. Богатые менее терпимы к страданиям и требуют искоренить даже мелкую преступность. Богатые нанимают более профессиональную полицию с более высокой зарплатой. Богатые настаивают на качественном и дорогом судебном процессе, чтобы минимизировать вероятность ошибочных приговоров. Правосудие и защита – это товар. Богатые хотят, чтобы этот товар был дорогим и высокого качества.

Работодатели нанимают полицию не для того, чтобы расправляться с рабочими или вынуждать их подписывать контракты с плохими условиями. Форд использовал три тысячи частных полицейских только для борьбы с нелегальными профсоюзами, порчей и воровством.

Поскольку частной полиции может потребоваться работать в юрисдикциях, которые ее не лицензировали, полицейские могут объединиться – создать несколько крупных полицейских компаний и множество небольших филиалов, подчиняющихся местным правоохранительным властям. Из-за различия в юридических системах совместная работа полиции будет

возможна лишь в редких случаях, например при серьезных преступлениях. Объединительные процессы в полиции затруднят конкуренцию, что теоретически может привести к узурпации репрессивных сил, но нельзя забывать, что рынок будет открыт для новых компаний, которые сделают картели нежизнеспособными. Поставщики полицейских услуг будут конкурировать между собой, повышая качество обслуживания и снижая цены.

Прекращение централизованного финансирования правоохранительных структур приведет к дальнейшей децентрализации управления полицейскими силами. Вместо того чтобы платить за защиту своими налогами, граждане могли бы покупать правоохранительную страховку, а преступники – возмещать расходы, связанные с их задержанием и прочими процедурами. Обезличенное финансирование несправедливо, потому что законопослушные люди платят полиции, а преступники – нет.

Некоторые люди не в состоянии платить за услуги частной полиции. Но они стоят меньше, чем медицинское обслуживание, а вызывают полицию реже, чем скорую помощь, поэтому полицейская страховка не будет дорогой. Кроме того, полиция и суды будут частично финансироваться самими преступниками. В самых крайних случаях общество будет оплачивать полицейскую страховку для бедных людей в порядке

благотворительности, как сейчас это делается с медицинским обслуживанием. Общественная полиция так же неэффективна, как любое государственное агентство. Бесплатность услуг повышает спрос на них, и люди начинают во всех случаях обращаться в полицию, вместо того чтобы действовать самим. Чрезмерная зависимость от государства разрушает узы, связывающие общество. Расходы полиции в пересчете на каждого отдельного преступника очень высоки, от сотен тысяч до миллионов долларов на человека, в зависимости от состава преступления.

Люди всегда ожидают, что вмешательство государства остановит насилие и предотвратит ответную реакцию. Таким образом, становится выгодно начать насильственные действия до вмешательства государства, поскольку оно гарантирует отсутствие пропорционального ответа. Итогом становится эскалация административной и уголовной преступности, что особенно заметно в странах с развитой судебной системой и сильной полицией. В свободных обществах люди самостоятельно улаживают конфликты, поскольку общественные меры пресечения слишком дороги.

В современном обществе гражданские суды вовсе не бесплатны. Люди платят большие деньги адвокатам. Почему бы тогда не решать проблемы самостоятельно? Можно прибегать к услугам посредников-арбитров. Адвокатам свойственно вводить

своих клиентов в заблуждение, чтобы набить себе цену. В большинстве случаев судебный процесс сводится к поиску лазеек в законодательстве или способов одурачить присяжных. Государственные суды вместо арбитража занимаются юридическим жонглерством. Впрочем, уголовные суды должны оставаться общественными. Для примирения же достаточно выбрать арбитра и совместно поработать над проблемой.

Правоохранительные органы неохотно преследуют своих коллег-бюрократов. Частные полицейские службы, финансируемые пропорционально числу раскрытых преступлений, не постесняются задерживать чиновников. Даже журналисты любят разоблачать коррупцию, потому что такие сюжеты приносят прибыль. А частные полицейские будут еще эффективнее журналистов.

Крупные работодатели могут переносить производства в юрисдикции, которые их защищают. Жить в таких юрисдикциях захотят немногие, потому что у других работодателей условия будут лучше. Корпорации заинтересованы в сохранении хороших кадров и потому не могут плохо к ним относиться. Всепроникающий полицейский контроль и судебное регулирование – детища двадцатого столетия. Люди по-прежнему разрешают большинство конфликтов, не обращаясь к государству за посредничеством. В однородных сообществах с

простыми и разумными законами не будет большой необходимости в полиции.

Армии не должны быть национальными

Люди должны быть готовы отстаивать свою свободу с оружием в руках, но рутинную работу по обороне и поддержанию порядка должны выполнять профессионалы. Даже в наше время высокотехнологичного вооружения противостоять оккупантам вполне способны ополченцы со стрелковым оружием, как показал пример Ирака. Впрочем, есть одно исключение – если враг применит тактику сокрушительной силы, как в Хиросиме. Однако такая тактика может сделать завоевание страны экономически нецелесообразным и породить терроризм.

Каждый человек должен быть готов лично защищать свою свободу, когда все остальные средства исчерпали себя. История знает немало случаев, когда народное ополчение останавливало армии: например, греческие и американские ополченцы и, соответственно, персидские и британские войска. Тактика асимметричных боевых действий увеличивает шансы небольших общин против агрессора. Свободных людей покорить сложно.

Когда много частных полицейских и военных структур конкурируют друг с другом, нет оснований опасаться

злоупотреблений. Полиция должна заниматься только настоящими преступлениями, а не произвольно определенными нарушениями; армии должны защищать сообщества от агрессии, а не устанавливать новый мировой порядок.

Не получится ли так, что небольшие сообщества не смогут оплатить охрану и окажутся беззащитными? На примере малых европейских стран видно, что небольшие образования более безопасны. У многих городов-государств вообще не было армий – при необходимости они просто покупали охрану за счет средств граждан. Что для одного государства сдерживание, то для другого угроза; страны без армии и сдерживания вызывают меньше враждебности. При норме капитализации в 2%, стоимости доступного для грабежа имущества, равной ВВП, и оборонном бюджете в 3% от ВВП страна за 25 лет потеряет на обороне больше, чем при поражении в войне.

В теории эффективное общество предпочтет потратить все свое национальное богатство на оборону, нежели позволить врагу им овладеть. Однако небольшие страны понимают, что в конфликте со своими более крупными соседями они проиграют в любом случае, и потому решили отказаться от армии в надежде, что войны не произойдет. Впрочем, даже небольшие страны могут прибегнуть к услугам наемников и не вступать в военные альянсы. По сути, это не что иное, как страхование: менее платежеспособные потребители сообщества предоставляют

страховое покрытие всем остальным. Учитывая значительные расходы даже на самую маленькую войну, агрессия против небольших стран не окупается.

Среди множества частных юрисдикций идеологические войны менее вероятны. Получить от войны доход также не удастся, поскольку большая часть накопленного богатства пребывает в ликвидной форме, а завладеть деньгами не так-то просто. Как компании не запрещают потребителям переходить к другим компаниям, так и коммерческие армии не будут нападать на своих же клиентов, поскольку те всегда могут обратиться за защитой к другой армии-конкуренту. Армиям будет выгоднее договариваться с целью гасить конфликты, чем, наоборот, разжигать конфликты и взвинчивать свои расходы.

Искусственному образованию, коим является государство, для поддержания собственной идентичности нужен внутренний и внешний враг. Высокомерие, идеология и военно-промышленные комплексы зовут к войне. Напротив, коммерческие армии при войне теряют деньги, а зарабатывают на сдерживании – аналогично страховым компаниям. Рациональные экономические интересы наемников выгодны обществу, а иррациональное национальное самовозвеличивание для него губительно.

Коммерческая армия во многом похожа на религиозную организацию: она продает товар неизвестного качества, доверие

к которому целиком зависит от репутации продавца. Когда товары для клиента важны (вечная жизнь, победа), люди предпочитают репутацию стоимости, и поставщиков товара немного: несколько главных церквей и коммерческих армий. Но когда важность услуги снижается (например, люди теряют веру или устанавливается прочный мир), тогда на первый план для клиентов выходит удобство пользования, отодвигая в сторону фактор репутации поставщика. Нет оснований опасаться, что армии сформируют монополию и начнут вести себя агрессивно по отношению к государствам-клиентам.

Национальные армии устраивают перевороты чаще, чем наемные. Может показаться, что наемные армии склонны к авантюризму, что их командиры могут вынашивать планы мирового господства. Но нельзя забывать, что коммерческие армии в первую очередь обслуживают клиентов – мини-государства. Богатые сообщества предпочитают иметь дело со стабильными армиями, среди командиров которых нет маньяков. Потенциальные агрессоры со временем просто выйдут из бизнеса. Хорошие солдаты не будут наниматься в армии с командирами-маньяками, так что их боеспособность будет невысокой. Коммерческие армии стабильны политически, поскольку у них множество государств-клиентов с разнообразной политикой, а не одно национальное правительство. Конкурирующие армии будут менее терпимы к

агрессору, чем правительства, зависимые от общественного мнения.

Как насчет упреждающих мер против агрессора? Когда клиенты не желают нанимать агрессивную армию, по сути, это и есть упреждающая мера. Отвергнутая армия агрессора может создать собственное государство, чтобы наладить каналы финансирования, заняться шантажом или привлечь недобросовестных спонсоров. Другая упреждающая мера – это сдерживание путем наращивания военной силы. Сообщества, лишенные глубины обороны, будут обычно угрожать превентивным ударом, что делает наращивание рискованным. Полностью исключить возможность превентивных ударов нельзя: вполне могут быть ситуации, когда одна армия должна напасть на другую без явных оборонительных соображений. Но эта проблема существует и с национальными армиями.

Введение частных юрисдикций снизит вероятность националистических войн. Сейчас военное подавление других стран – это логическое продолжение внутренней политики стран, привыкших подавлять собственных инакомыслящих. Диссидентские меньшинства смогут просто создать собственные государства, вместо того чтобы бороться за выживание с другими. Коммерческие армии существуют ради прибыли и потому более рациональны, чем национальные армии, служащие правительствам с вечно меняющейся политикой. Между

коммерческими армиями конфликтов будет меньше, чем между армиями национальными. Они, конечно, все равно будут: никакая институциональная реформа не избавит людей от склонности к насилию.

Наемные армии приблизят конец чересчур дорогих, неэффективных и агрессивных военно-промышленных комплексов. Правительства на деньги налогоплательщиков наращивают военные закупки только для того, чтобы получать разного рода выгоды: взятки, голоса избирателей, работающих на военных заводах, престиж в воинственных странах. Все это бессмысленное бряцание оружием нужно как-то оправдывать перед общественностью, и для этого эксплуатируется тема войны. У коммерческих армий не будет ни одной из упомянутых причин для сближения с производителями оружия. Ни одна армия, умеющая считать деньги, не будет покупать истребители, не имеющие равных оппонентов; бомбардировщики-невидимки, у которых нет целей; авианосцы, безоружные перед неожиданной террористической атакой; любые другие дорогие и практически бесполезные предметы. Коммерческие армии не смогут позволить себе сверхсовременное оружие, которое есть только у нескольких государств, но эффективной армии оно и не требуется. Мобильные армии с хорошо обученными наемниками вполне в состоянии уничтожить националистические колоссы, прежде чем те успеют мобилизоваться. Если какая-то из

коммерческих армий допустит ошибки при инвестировании, он потеряет клиентов. Национальные армии тоже грешат неправильным использованием средств. Кроме того, в ходе войны клиент всегда может отказаться от услуг неэффективных наемников и нанять новых. Когда многие мини-юрисдикции нанимают многие наемные армии во многих низкоинтенсивных конфликтах, возникает сложная адаптивная система военных действий, ведущая к максимальной эффективности как в финансовом отношении, так и с точки зрения общественного контроля армии.

Мини-юрисдикции не воинственны

Развитые общества и сильные государства предпочитают решать конфликты невоинственным путем: договариваться о ценах, судиться, митинговать и т. д. Переговоры о цене как главный инструмент перенастройки действуют только в относительно эгалитарных группах, при этом не должны затрагиваться интересы монополий. Необходимая степень эгалитаризма уже существует в развитых либеральных экономиках и почти во всех странах Запада.

Бедные страны не могут платить за достижение поставленных задач столько же, сколько богатые, и потому прибегают к насилию, враждебным альянсам и асимметричным

военным действиям. Индокитай не смог бы купить независимость за деньги.

Стороны договариваются о цене только тогда, когда получающая сторона может уйти с деньгами и приобрести относительно схожий товар в другом месте. Это правило не соблюдается, когда речь идет об уникальных, монопольных объектах: Израиль не может купить у палестинцев Иерусалим.

Люди планируют извлекать выгоду из своего имущества ограниченное время, нации – неограниченное. Отдельные буры могли бы с помощью субсидий купить согласие негров на апартеид. Однако белое правительство ЮАР поняло, что их требования будут постоянно расти и однажды просто обанкротят страну. Когда правительство осознало, что изгнать негров невозможно, оно перешло к переговорам.

Международные и гражданские споры не так многочисленны, как рыночные транзакции, и они не могут определять стоимость политических компромиссов. Пекарь продает ежедневно определенное число булок и знает, какую цену за них запрашивать. Даже постоянно действующие армии участвуют всего в нескольких войнах, причем каждая из них уникальна. Если противник более-менее многочисленен, расходы на войну никогда нельзя спрогнозировать. Если какое-то государство решит откупиться от войны, договориться о цене будет невозможно.

Мини-юрисдикции будут достаточно многочисленны, чтобы эмулировать рыночную ситуацию, когда множество государств торгуется со множеством армий и между собой. Их будет много, гораздо больше, чем национальных государств. Поскольку все они будут сотрудничать с наемными армиями, по экономической мощи юрисдикции всегда можно будет определить и ее военную мощь. С национальными армиями это не так. Мини-юрисдикции создадут реальную возможность заменить войну на переговоры.

Мини-юрисдикции культурно однородны, и не нуждаются в националистической или религиозной пропаганде, или внешнем враге для поддержания искусственного единства нации. Поскольку юрисдикция создается актом покупки или заселения земли, захват ее автоматически трактуется как грабеж.

Сообщества без глубины обороны будут стремиться избегать сражений, опираясь на множественные и перекрестные альянсы, обеспечивающие арбитраж и сдерживание. Гибкие и комплексные альянсы заменят устаревшие жесткие соглашения, втягивающие страны в войну вне зависимости от их непосредственных интересов.

Мини-юрисдикции более уязвимы, но менее привлекательны с точки зрения агрессора, чем государства. В постиндустриальную эру грабительские войны уже не прибыльны, поскольку бо́льшая часть богатств находится в

невещественной форме и ими нельзя завладеть физически. Большинство сегодняшних войн – это «войны чести», направленные на узурпацию власти. Захват мини-юрисдикций не сулит больших лавров, а покорить людей, привыкших к свободе, практически невозможно, – об этом говорил еще Макиавелли.

В современной экономике нет причин для войн с целью захвата территории: над огромной Россией весь мир смеется, а крохотной Швейцарией восхищается. Анархистские сообщества будут редко нападать друг на друга по экономическим мотивам. Мини-юрисдикции сформируют культуру идеологического плюрализма, что устранил еще одну причину войн.

В условиях индустриальной экономики война теряет смысл, потому что недвижимость и товары больше не являются главным источником богатства. Сегодня государства могут воевать по идеологическим причинам, лишенным экономического значения. Мини-государствам вести такие войны гораздо сложнее. Частные владельцы сообществ, заинтересованные в получении прибыли, будут вести гораздо более рациональную внешнюю политику, чем государства, тратящие чужие деньги. Греческие города-государства были гораздо более мирными, чем тоталитарный Китай в эпоху Воюющих царств. Воинственными греки стали только при автократах. Это же может случиться и с анархистскими

общинами, однако подобное отклонение будет временным. Возможность государства постоянно вести войны зависит от готовности маневрировать и менять союзников, превращая друзей во врагов, – в условиях демократии это очень сложно.

Поскольку новые юрисдикции заселят незаселенную землю, со временем население будет распределено более равномерно, а мегаполисы уменьшатся. В этом есть и военное преимущество: чем меньше концентрация населения, тем меньше жертв в случае биологического или ядерного удара. В относительно небольших поселениях проще работать полиции, они лучше защищены от асимметричных военных угроз.

Месть или возмещение?

Кодекс законов Ур-Намму (ок. 2000 г. до н. э.) предписывал возмещать причиненный ущерб. За выбитый глаз требовалось заплатить половину мины серебра. Через триста лет появился кодекс Хаммурапи (напоминающий более поздние библейские законы), и в нем уже фигурировал принцип возмездия – «глаз за глаз». Главным мотивом было не возместить жертве урон, а предотвратить повторение преступления. Кодекс Хаммурапи жестче, чем Ур-Намму, однако его судебная система более совершенна, он лучше защищал людей. Обидчик перестает быть ближним, нарушив

правила общежития. Поведение, направленное против других, должно быть искоренено.

Общество должно заботиться о предотвращении преступлений, а не о возмещении убытка пострадавшим. Во-первых, никто не обязан защищать других; во-вторых, само общество перед пострадавшим не виновато. Потенциального преступника перспектива выплаты компенсации не останавливает, поскольку в случае поимки ему придется отдать примерно столько же, сколько он рассчитывает получить, и потому риск оправдан. Месть более жесткая мера, она делает среднестатистическое преступление невыгодным. Можно даже обязать нарушителя выплатить больше, чем фактически нанесенный ущерб: например, вдвое. По сути, это тоже форма мести, ведь тяжесть наказания превышает тяжесть нанесенного вреда.

Поскольку месть направлена на предотвращение повторных преступлений, она может не распространяться на непредумышленные преступления.

Доктрина возмещения, принятая в современном обществе, неэтична. Карательное наказание – это пропорциональный ответ нарушителю: для всех людей глаз одинаково ценен. Однако возмещение ущерба зачастую диспропорционально. Если человек разбил чужой дорогой автомобиль, его обязывают починить его или заменить новым, что может стоить дороже,

чем все его имущество. Согласно карательной доктрине, обидчику также разбивают машину – его машину. Такой подход и эффективно предотвращает новые преступления, и пропорционален нанесенному ущербу. Ущерб оценивается в соответствии с имуществом обидчика, и поэтому не потакает богатым. Богатые оплачивают нанесенный ими ущерб по своим возможностям, а от бедного ответчика получают по его возможностям. Законодатель понимает несправедливость существующей системы компенсации убытков, почему и ввел систему обязательного страхования.

Система телесных наказаний очень проста. Однако, посчитать имущество человека сложнее, чем глаза. Следовательно, проблематично нанести обидчику пропорциональный финансовый ущерб. Гражданское законодательство, поэтому, требует возмещения убытков.

В гражданских делах принцип возмездия утрачивает применимость в крайних случаях: например, не обладающий имуществом нищий может безнаказанно повредить имущество другого. По решению суда наказание может быть заменено на аналогичное. Судья может решить, что ответная порча ничтожного имущества нарушителя вряд ли остановит его от повторения нарушения, и предписать какой-то иной вид пропорционального наказания, например общественные работы.

Многие из тех, кто ненавидит насилие, страстно желают возмездия в делах, которые их затрагивают. Современная юриспруденция признает это неотъемлемое свойство человеческой природы, когда предписывает возмещение морального ущерба. Люди воздерживаются от мести в основном из страха наказания. Мечь лежит в основе принципа взаимности: обидчик знает, что жертва может ответить.

Некоторые утверждают, что с устранением мести исчезнет и зло – если, конечно, люди по природе добрые. Иногда доброта открывает в людях хорошие черты, но так бывает не всегда. Система подавления зла необходима, при условии, что она не превращается в свою противоположность – тоталитарную угрозу. Абсолютное милосердие при отправлении правосудия предаст законопослушных граждан в руки преступников.

В чем смысл правосудия: в наказании или же предотвращении преступлений? Разница лишь в словах. На практике, за исключением лишь казни, действия общества по отношению к преступнику одинаковы в обоих случаях. С точки зрения преступника это мечь, с точки зрения общества – предотвращение рецидива. Перспектива мести отпугивает от совершения преступления.

Если человек убил свою жену, для предотвращения этого преступления достаточно запретить ему жениться повторно. Если мошенник разбогател и перешел к законным видам

бизнеса, не собирается повторять свои преступления – значит ли это, что его не следует наказывать? Изолирование преступников на курортных островах исключит повторение ими преступлений, но общества все-таки отправляют преступников в тюрьму, а не на курорт. Вряд ли несколько лет заключения могут служить эффективной профилактикой. Поскольку бывшие заключенные совершают преступления чаще, чем обычные люди, профилактика требует пожизненного заключения за любое преступление. Тюремное заключение направлено исключительно на месть; его роль в предотвращении повторения преступлений ничтожна.

Наказание одного человека в качестве примера другим, чтобы они не повторяли его преступлений, весьма аморально. Во многих странах, наказание в качестве примера прямо запрещено. Наказание преступника является именно возмездием, и все разговоры о его роли в предотвращении будущих преступлений – не более чем морализаторство с целью приукрасить месть.

Отдельные добрые люди могут отказаться от мести. Иногда прощение может даже иметь успех: если преступнику подставили другую щеку, он может раскаяться. Однако в случае серьезного преступления общество не может рисковать: непотворение злу, конечно, поощряет доброту, но также делает новые преступления выгодными. Даже если жертва простила

грабителя, общество все равно должно принять к нему меры для предотвращения новых ограблений. Поощрение раскаяния не то же самое, что терпимость к преступности.

Мсть и предотвращение неотделимы друг от друга. Наказание приводится в действие мстью, которая случайно и умеренно сдерживает повторное преступление.

Око за око

Заповедь негативной взаимности вытекает из принципа «око за око». Когда люди исполняют эту заповедь, они избегают применения к себе этого принципа: не делая другому того, что им ненавистно, люди не дают повода для возмездия. «Око за око» – это цивилизованный, четко сформулированный метод воздаяния. Это также фундаментальное чувство, присущее всем высшим животным, включая людей.

У формулы «око за око» два измерения: не больше, но и не меньше. Баланс между справедливостью и прощением запрещает опасную терпимость к преступникам. Противник не истребляется полностью, ему лишь наносится пропорциональный ответ, направленный на предотвращение эскалации насилия по интенсивности (убийство в ответ на ранение) или масштабу (вендетта).

«Око за око» – это оптимальная стратегия достижения равновесия в системах с бесконечно повторяющимися

взаимодействиями статистически равных агентов, таких как человеческие общества. Однако, поскольку люди все-таки не равны, способна ли эта система функционировать? На самом деле они равны в том смысле, что у всех только два глаза, и потому всегда есть возможность нанести симметричный ущерб, физически или финансово. Принцип «око за око» правильнее звучит «половину глаз за половину глаз» – таким должно быть и финансовое наказание, половина имущества обидчика за половину имущества жертвы. Эта относительность не позволяет применить этот принцип к позитивным действиям: «Я дам тебе половину моего имущества, а ты в ответ дашь мне половину твоего». Такой подход вызовет злоупотребления, поскольку размер имущества у разных людей разный. Равно маловероятно и другое следствие, в силу невозможности проконтролировать: «Я помогу тебе сейчас, а ты поможешь мне позже». Если один человек помог другому подняться, то второй может слишком долго ждать возможности отплатить первому аналогичной услугой, тем более что он может оценивать ее по-другому: скажем, подарок в виде денег может его обидеть. Экзотическая форма ответа, например отплатить добром первому попавшемуся прохожему, – пустая трата времени. Гораздо больше пользы, если каждый будет заботиться о своих интересах, не вредить другим и делать добро тогда, когда усилия непропорционально малы в отношении к результату. На

практике, отплатить за добро проблематично: вполне достаточно просто поблагодарить благодетеля.

Всепрощение может быть эффективно в небольших сообществах, где люди благожелательно настроены по отношению друг у другу, причем только в простых житейских делах, где прощающий ожидает, что и ему понадобится прощение. Если сосед в полночь включает на полную громкость музыку, прощения обычно недостаточно. Принцип «око за око» может быть смягчен в сообществе с дружелюбной атмосферой, когда вред причиняется чаще всего непредумышленно и обычно достаточно устного порицания. Переходить к ответным действиям можно не сразу, а только после второй обиды. В нашем случае это будет повторение громкой музыки на следующую ночь.

В принципе «око за око» нет ничего жестокого. Даже напротив, это довольно мягкая стратегия. Ее карательный компонент прост и однозначен. Это стратегия прощения: один раз нанеся нарушителю карательное воздаяние, к нему снова относятся, как к другим людям, переключившись обратно в режим сотрудничества. Сегодня в обществе действует общинное применение закона возмездия: отдельные люди уже не судят других сами, но передают право судить (и мстить) обществу в целом, что субъективно смягчает возмездие.

«Око за око» вовсе не самая эффективная стратегия из возможных. Самой эффективной, скорее всего, является стратегия GRIM – политика непощения, наказывающая за каждое нарушение постоянным, вечным ущербом, уничтожающая противника за глаз или ушиб. GRIM – это открытое объявление войны, перманентный отказ от сотрудничества с нарушителями, это все глаза и все конечности за один глаз. Закон возмездия стремится смягчить человеческую природу, предрасположенную к GRIM: ведь даже когда человек уже покарал преступника, он все равно избегает общения с ним. Бывшим заключенным часто сложно найти работу. Если большинство преступлений совершаются намеренно и большинство преступников тюрьма не изменяет, тогда с нравственной точки зрения GRIM оправдана. При этом, возможно, стоит делать исключение для тех бывших преступников, которые либо явно раскаялись, либо потеряли способность совершать преступления. Последний случай характерен для военной сферы: если две страны раньше воевали, но затем конфликт интересов себя исчерпал либо снизились военные возможности, то между ними вполне возможно мирное сотрудничество.

Люди часто осознанно уменьшают эффективность: общества не убивают пожилых и не грабят слабых. Принцип «око за око» предоставляет комфортный резерв уверенности:

люди одновременно и защищены от преступников, и рассчитывают на некоторую терпимость к самим себе, если вдруг сами причинят вред другим. «Око за око» соответствует GRIM с минимальной страховочной сеткой, которая все-таки ограничивает ответственность нарушителя. Страховочная сетка так же хорошо работает в экономике, позволяя людям пробовать, рисковать, не боясь умереть с голоду. С философской точки зрения, любая стратегия требует некоторого смягчения от точки максимальной эффективности. «Око за око» – это самая дружелюбная из разумно эффективных стратегий, предназначенных для обществ, где большинство людей обычно сотрудничают друг с другом, но при случае способны и прибегнуть к возмездию.

Есть еще одна эффективная стратегия, назовем ее «око за око наоборот». В ней исходным состоянием является отказ от сотрудничества; переход к сотрудничеству осуществляется только при возникновении сопротивления и только до первой агрессии со стороны другого лица (лиц). «Око за око наоборот» эксплуатирует слабых, но сотрудничает с сильными, способными оказать сопротивление. На практике эта стратегия эквивалентна «око за око»: общество немедленно сопротивляется попыткам эксплуатировать себя, вынуждая переход в режим сотрудничества.

В информационно неэффективном обществе, когда новости распространяются медленно, общины могли бы взять на вооружение стратегию «око за око наоборот» против своих врагов. В информационно эффективном обществе, когда информация распространяется быстро и сотрудничество между общинами наладить несложно, эта стратегия способна объединить другие общины против коварных агрессоров. В современном мире к коварным стратегиям могут прибегать только те сообщества, которые безоговорочно сильнее всех своих врагов, вместе взятых. Но даже таким сообществам сложно начинать агрессию, потому как против нее выступает собственное население. Граждане страны-агрессора считают, что с членами других сообществ нужно поступать по-доброму.

Библейский закон о двукратном возмещении улучшает стратегию «око за око», обеспечивая компенсацию также и за нераскрытые преступления. При некоторых особо тяжких преступлениях, например кража быка (от быков в древности зависело пропитание всей семьи), преступник должен был возместить ущерб в пятикратном размере. Таким образом, компенсация отражает не столько цену быка, сколько степень опасности для потерявшей его семьи.

Принцип «око за око» не создает почву для бесконечной череды ответной мести, поскольку предусматривает не агрессию, а лишь ответ на нее. В практической ситуации, не

столь очевидной, как убийство или воровство, разные люди по-разному оценивают первоначальную агрессию, вплоть до того, что агрессор может даже не считать себя таковым. Иногда то, что один считает благодеянием, другой считает агрессией. В подобных неочевидных ситуациях стратегия «око за око» ведет к эскалации насилия; она предполагает, что нужно избегать позитивных действий в отношении других без их согласия. Предполагается, что все действия в отношении субъекта, совершенные без его согласия, этот субъект вправе рассматривать как агрессию. «Око за око» не месть в общепринятом смысле – абсолютная, непропорциональная. Воздаяние в межличностных отношениях ограничивается до разумных, оправданных пределов, служа разумной цели предотвращения, а не просто подливая масло в огонь гнева.

«Око за око» работает только при условии относительного равенства сторон: тогда баланс силы примерно равен и каждый следующий удар направлен на восстановление этого баланса. В гражданских делах, таких как споры по неформальному контракту (например брак), ответный удар способны нанести обе стороны. В уголовных делах и формальных контрактах этот принцип означает равенство сторон перед лицом закона.

Между свободой и тоталитаризмом

Общества колеблются между свободой и тоталитаризмом. В бедных обществах хлеб насущный ценится выше свободы и экономического развития, и такие общества особенно беззащитны перед тоталитаризмом. В богатых обществах люди оплачивают услуги правительства по вечно растущим ценам, возникают бюрократии, люди отчуждаются от власти и со временем создается почва для путча и перехода к тоталитаризму.

Долговременному тоталитарному режиму противостоят две силы. Первая – любовь к свободе. Ее можно на время подавить, но никогда нельзя уничтожить полностью. Когда государственный контроль становится всепроникающим и начинает ограничивать даже самые базовые свободы, люди восстают. Когда на заре индустриальной эры во многих странах повысился уровень жизни и люди удовлетворили свои основные потребности, возникли новые ценности, такие как свобода. В этот момент власть диктаторов серьезно пошатнулась. Во-вторых, в определенный момент из-за ограниченности транспортной, информационной и коммуникационной систем правительство не могло глубоко проникать в жизнь общества, так что даже в самых централизованных режимах сохранялась значительная сфера частной жизни. Впрочем, в последние десятилетия произошел качественный скачок в области

транспорта, коммуникаций и компьютерной обработки информации, и теперь технологические предпосылки появления государства Оруэлла (описанного в романе «1984») налицо.

Однако в то же время технологическое развитие создает класс весьма обеспеченных людей, которые сопротивляются попыткам государства ограничить их свободы. Их не привлекают социальные гарантии, предлагаемые государством взамен свободы.

Часть налогов идет на принуждение граждан к их уплате, часть растрачивается впустую. В результате покупательная способность общества уменьшается. Снижение преимущественно затрагивает нижние классы, которые тратят весь свой доход на покупки. Растет спрос на социальные программы, в результате чего растут налоги – круг замыкается. Социальные государства – это пузыри, они могут долго надуваться, но рано или поздно лопнут.

Бюрократия и регулирование взаимно поддерживают друг друга и постоянно расширяются. У этого двуглавого колосса только одна цель – неограниченная власть и контроль над людьми, и она вступает в конфликт с присущим людям свободолобием, пусть даже их свобода и неполна. Этот конфликт, подобно многим другим, в теории мог бы создать динамический баланс между двумя противоборствующими силами. Впрочем, это маловероятно, поскольку обе стороны

очень сильны и не готовы идти на компромисс. Бюрократия вынуждена расширяться, стагнация для нее губительна. Как любой правящий класс, бюрократия должна постоянно ассимилировать новых членов, иначе амбициозные кандидаты начнут искать способы покончить с монополией власти и расчистить путь для себя. В цивилизованных обществах подобные перевороты осуществляются под знаменами свободы. В какой-то момент новые претенденты на власть начинают понимать, что их планам сбыться не суждено, и пытаются свергнуть режим, апеллируя к мотивам свободы. Анархисты могут воспользоваться временным вакуумом власти и, пока не появилось новое государство, создать свои общины.

Свобода несет в себе семена тоталитаризма. Либеральная демократия становится мягкой, начинает терпимо относиться к агрессивному инакомыслию, происходит переворот и к власти приходят тираны. Правительства начинают вмешиваться в частную жизнь все больше и больше, не стесняясь в средствах: это может быть и пропаганда, и полицейский контроль, а в будущем гипнопедия и гениальная инженерия. Государство подавляет в своих гражданах свободолюбие, приучает их к опеке государства. К счастью, есть и тенденции, которые этому противостоят: дешевое распространение информации, обмен

идеями, снижение экономической зависимости индивидуума от общины.

Невозмещенный ущерб

В свободном обществе люди рассчитывают, что другие не будут вмешиваться в их дела, и не вмешиваются сами. В реальном мире людям так или иначе приходится взаимодействовать друг с другом и вмешательство неизбежно. Вмешательство обычно создает нечто новое и потому является позитивистским актом. Свободное общество опирается на негативное регулирование, обычно допуская позитивизм только по взаимному согласию сторон. Это согласие может быть институциональным: живя в обществе, человек соглашается на вмешательство полиции в случае совершения им преступления. В гражданских же делах, если сторона, затронутая позитивным действием, с ним не согласна, она терпит ущерб. Поскольку правило взаимности запрещает причинять вред другим, согласие другой стороны нужно купить. Ущерб – это воздействие, не компенсированное жертве этого воздействия приемлемым для нее образом. Такой ущерб должен быть компенсирован. Свобода есть заверение в непричинении ущерба имуществу, включая высшее имущество – жизнь. В свою очередь, имущество также должно приобретаться без ущерба для других.

Обратим внимание, как сформулирована заповедь: не делай *другому* то, что ненавистно тебе. Свобода – это внутреннее состояние: люди свободны в своей частной жизни, но вмешиваться в дела других они не вправе. Заповедь *не укради* предполагает возмещение причиненного ущерба; в противном случае виновник будет наказан так же, как за воровство.

Ущерб, причиненный ближним, может быть оправдан только в двух случаях: либо ближние против него не возражают, либо виновная сторона выплатила справедливую компенсацию. Либерализм запрещает возмещение ущерба во всех случаях, кроме прямого и явного соглашения между сторонами. Общепринятость – одна из форм возмещения, терпимость к нанесенному ущербу в расчете на то, что другая сторона также проявит терпимость к аналогичному ущербу, нанесенному ей. Например, все люди дышат одним и тем же воздухом, и хотя вдыхая, мы отбираем его у окружающих, этот ущерб всеми принимается. С другой стороны, не все загрязняют воздух автомобильными выхлопами; следовательно, те, кто это делает, должны компенсировать ущерб обществу. Если кто-то хочет дома слушать громкую музыку, он должен позаботиться о должной звукоизоляции. Прямому возмещению не подлежат только универсальные, общие виды ущерба: они уравниваются универсальной терпимостью к ним.

Если мы ожидаем, что другие будут терпеть небольшие виды ущерба, мы должны быть уверены, что они действительно считают его небольшим. Логически следует сказать так: «Не делай другому то, что ненавистно *ему*». Однако обычно нам неизвестно, что именно не любит другой человек: мы лишь предполагаем, что это то же самое, что не любим мы. Поэтому заповедь сформулирована в более практическом ключе: «Не делай другому то, что ненавистно *тебе*».

Незначительный ущерб можно стерпеть. Второзаконие 23:25 разрешает есть виноград из виноградника ближнего, но запрещает собирать его в сосуды. Вор, укравший быка, платит пятикратный штраф, а овцу – двукратный; экстраполируя, получаем что кража еще более мелкая, чем овцы, вообще не требует штрафа, а только возмещения ущерба. Право незначительного пользования чужим имуществом предотвращает злоупотребления со стороны его владельца. Анархистов всегда беспокоило, что отдельные люди могут приватизировать леса и запретить другим ими пользоваться. Библия решила эту проблему.

Нарушение контракта – наиболее распространенная причина невозмещенных убытков. Общество не обязано ни регулировать контракты, ни даже рассматривать споры по ним. Оно лишь должно обеспечивать выполнение решений частных арбитров по возмещению убытков и пресечение рецидивов.

Нарушение обычаев – такой же ущерб, как любой другой. Библия предписывает сооружать на крышах домов перила, чтобы в случае падения человека хозяина дома не обвинили в убийстве. Перила на крыше – пример обычного права, и неисполнение этого обычая подлежит наказанию как преступление. Небрежность при исполнении обычая тоже неприемлема. Человек обязан обеспечить, чтобы на подконтрольной ему территории – в нашем примере это дом – соблюдались необходимые обычаи. Причем обычаи могут быть не только физические, но и нравственные. Стоять на крыше голым столь же неприемлемо, как и забывать о перилах.

Как и отдельные люди, добровольные сообщества вольны проводить любую внутреннюю политику, пока это не причиняет вред другим. Коммунисты могут запретить частную собственность в своих юрисдикциях, но не должны бороться с капиталистами вне их. Производство запрещенных наркотиков не представляет вред для других, если экспорт осуществляется на условиях франко-борт. А вот импортеры наркотиков вредят сообществам, которые их запрещают. Когда практически все страны запрещают какой-либо товар, возникают маргинальные ситуации. Например, когда практически все страны мира запрещают ввоз наркотиков, их экспорт на условиях франко-борт наносит ущерб. Создание ядерного оружия, всегда кому-то угрожающего, является очевидным ущербом. Даже в крайних

ситуациях регулирование оправдано только тогда, когда существует явная и непосредственная опасность. Транслировать со спутника либертарианские прокламации в города религиозных фундаменталистов может быть не самой лучшей идеей, но это не опасно, следовательно, запрещать это нельзя. Однако жители вольны отказаться просматривать определенные каналы и даже зафиксировать этот запрет законодательно.

Экологическое загрязнение полностью устранить невозможно, но его можно уменьшить до приемлемого уровня. Сообщества могут сообща определить этот уровень и назначить профилактические меры и штрафы. Самый мягкий способ это сделать – обязать потенциально грязные заводы страховать риск выбросов, передав функции по оценке рисков частным экспертам. Высокая стоимость страхования, риск разрушения собственности и гражданская ответственность в случае ЧП вынудят заводы повысить экологическую безопасность. Конечно, оценка рисков окажется полностью произвольной. Хотя либеральное общество стремится минимизировать произвольность, полностью избежать его невозможно.

Что если какая-то юрисдикция не борется с загрязнением? Другие юрисдикции могут ответить на это так же, как в любой другой ситуации, угрожающей жизни и здоровью: переговоры, дипломатические меры, экономические санкции, война.

Как быть с владельцами юрисдикций, которые загрязняют собственное имущество, но не наносят ущерб другим? Изолированное загрязнение, например захоронение отходов, случается редко, но практически всегда загрязняет прилегающую территорию. Сообщества и их владельцы должны решать подобные проблемы с помощью переговоров.

Сообщества могут воздерживаться от приватизации необычных или уникальных ресурсов, например особенно красивое озеро (хотя правительства часто плохо выполняют функции хранителей ценностей); требовать принятия охранных мер; ввести совместное владение собственностью, чтобы стороны могли контролировать друг друга. Последний вариант ликвидирует монополию и позволяет рынку самостоятельно найти решение проблемы. В редких случаях общество может прибегнуть к экспроприации имущества со справедливой компенсацией. Монополии на уникальные ресурсы склонны к злоупотреблениям и потому должны регулироваться.

Если уникальными ресурсами будут владеть только уважаемые организации, это поможет избежать злоупотреблений. Социалисты считают такие меры недостаточными, потому что люди не интересуются долгосрочными последствиями и не будут жертвовать таким организациям. Однако вырубка амазонских лесов или загрязнение рек имеет самые непосредственные и очевидные

последствия. Поскольку экономическая ценность свалок и сельскохозяйственных угодий, получаемых в результате вырубки лесов, невысока, необходимые инвестиции также весьма скромны. Понимая, что люди не очень ценят природу вдали от дома, социалисты законодательно принуждают их оплачивать ее сохранение. Предположение, что люди неспособны к планированию ради собственного блага, подрывает нравственную основу и демократии, и консенсуальной анархии. Экологи-социалисты ратуют за авторитаризм, потому что хотят, чтобы государство решало их задачи.

В большинстве случаев рыночные силы автоматически находят решение проблем. Если имущество столь ценно, тогда по определению должен быть кто-то, кто готов за него заплатить. Организации могут выкупать пляжи для общественного пользования или красивые ландшафты для услаждения взора. Рациональный собственник никогда не будет портить подобное имущество: он будет либо пользоваться им, либо продаст. Сообщества могут вынуждать неэффективных собственников либо продать имущество, либо поддерживать его на должном уровне. Значительная часть экологического загрязнения является результатом общественной собственности на окружающую землю. Пролоббировать выдачу разрешения на сброс отходов или найти лазейки в законах дешевле, чем

построить очистные сооружения или переместить завод в пустыню.

Общественное имущество есть даже в свободном рыночном обществе. Река, текущая через несколько сообществ, регулируется сообща, но воздух и моря – это по-настоящему общественные ресурсы, никому конкретно не принадлежащие. Во многих местах приватизация прибрежных вод поможет создать саморегулируемые автономные бизнес-сообщества, но это возможно не везде. Потребуется ввести международные экологические стандарты, обеспечиваемые экономическими и военными санкциями. К счастью, такие случаи редки, поскольку очень немногие химические вещества могут загрязнять воздух или воду далеко за пределами их использования или хранения. Позитивное регулирование должно быть сведено к узкому кругу ключевых вопросов, по которым все стороны смогут легко прийти к соглашению. Общая угроза помогает забыть о разногласиях и различиях. Если же пытаться заранее регулировать все возможные непредвиденные ситуации, это лишь увеличит недовольство.

Чистая среда – это не право, а товар, требующий значительных прямых и косвенных затрат и вызывающий уменьшение прибыли из-за снижения производства и перемещения в районы с более низкими экологическими нормами. У разных стран разные приоритеты. Соединенные

Штаты хотят иметь самую чистую окружающую среду, какую только можно купить за деньги, тогда как Индия терпит грязные технологии ради рабочих мест. Терпимость к загрязнению – это конкурентное преимущество Индии, таким образом она привлекает инвесторов. Нельзя регулировать внутренние экологические нормы международными актами. Глобальное экологическое регулирование возможно, но нужно понимать, что оно ведет к росту цен на множество товаров. Отрицательное влияние роста цен превышает положительное влияние экологии на качество жизни. Удобрения и пестициды, электроэнергия, бензин, стройматериалы и др. положительно влияют на уровень жизни.

Сообщество может предпочесть загрязнение, нежели создание неблагоприятных для бизнеса условий. Но даже тогда уволенные рабочие, различные активисты и группы могут забросать грязное производство судебными исками. Вот почему консенсус в экологической сфере – это контракт между собственниками земли, обществом и грязными производствами. Термины должны быть понятны всем сторонам. Если владельцы завода скрывают истину о токсичности выбросов, они не только нарушают контракт, но могут быть обвинены в убийстве. В любом случае рано или поздно благодаря журналистам, юристам и свободному обороту информации правда откроется, и завод лишится инвесторов.

Международные экологические соглашения являются монопольными, что неприемлемо для анархистов. Но поскольку и воздух, и мировой океан на всех один, регулировать их в любом случае придется, но делать это нужно осторожно и только с согласия практически всех сторон.

Более этическое отношение к ближним

Две из десяти заповедей Моисея не уточняют объекта действия: «не убивай» и «не кради». Все остальные этические предписания направлены только на ближних. Воровать запрещено у всех, но *ближнему* запрещено даже завидовать (в смысле активного действия). Двойная этика – различие между ближними и всеми остальными – это мудрый подход. Очень сложно никому не завидовать; как половое влечение увеличивает численность населения, так же и зависть способствует прогрессу материальной цивилизации. Все злонамеренные действия должны быть ограничены. Общество сплачивается сотрудничеством, а не конкуренцией. Сотрудничество требует доверия, и ближние не должны лгать и завидовать друг другу. Зависть – явление универсальное, но в небольших группах ее можно пытаться искоренить. Преступления должны быть запрещены повсеместно, но только ближние должны контролировать по отношению друг к другу

даже отрицательные эмоции. Лука в притче о добром самаритянине дал вполне практичный критерий: для человека ближним является тот, от кого он ожидает хорошего отношения к себе. Это главный принцип сотрудничества в группе. Основной группой является семья, поскольку родственники должны помогать друг другу в первую очередь.

Библия признает, что ближние образуют довольно близкую группу, но эта группа не закрытая. Корень еврейского слова *ближний* обозначает совместное действие, а также, как ни странно, зло: возможно, имеется в виду, что группы редко делают добро чужакам и внешняя угроза сплачивает группы. На языке Библии ближний – это тот, с кем вместе мы уклоняемся с общего пути. Группы отличает субъективность и гибкость; согласно Библии, в группу обязательно входит семья. Библия запрещает лжесвидетельствовать против ближних, но если лжесвидетельство против какого-то человека оправдано, можно ли считать, что он перестает быть ближним? Нет, если он соответствует минимальному определению ближнего: сотрудничество в рамках общественного блага. В эффективных демократиях все жители по определению являются ближними; демократия может быть эффективной максимум в рамках небольшого городка.

Помимо «обязательных» ближних, человек может включить в круг своих ближних любых других людей по

желанию. Нет ничего неправильного в том, чтобы тратить больше денег на кошку, чем на голодающих африканцев: домашние животные гораздо ближе, чем незнакомцы за тридевять земель. От кошек люди ждут общения и тепла, от незнакомцев – нет. Обязательная благотворительность должна быть ограничена помощью в выживании. Все остальное – только в добровольном порядке, и никто не вправе критиковать человека за личный выбор в этом отношении.

Большое общество нуждается во враге, чтобы поддерживать единство искусственной группы. Семья и друзья – это примеры малых групп, единство которых не зависит от внешней конкуренции. Ближние – самая крупная группа, которая поддерживается в большей степени за счет внутреннего сотрудничества, чем внешней конкуренции. Ближние не обязательно враждебны по отношению к чужакам, иногда это может быть просто безразличие.

Нации слишком разъединены внутренне, чтобы считаться едиными группами. Вообще, понятие нации возникло относительно недавно. Оно не основано на территории: мусульмане из разных стран имеют больше общего между собой, чем с соседями-христианами. Оно не основано и на религии: достаточно взглянуть на многоконфессиональную Индию. Оно не имеет отношения к национальности: палестинцы

презирают израильтян. Нация – это утопия коллективистов, которой повезло совпасть с государственными интересами.

Ближние более-менее похожи друг на друга. Многие психиатры считают своих пациентов не совсем «нормальными», подспудно рассматривают их как не совсем людей и потому относятся к ним жестоко. Однако общественность в целом не обращает большого внимания на психические отклонения таких людей и требует для них гуманного лечения, как и положено ближним. Различия между ближними, заметные на микроуровне, стираются на уровне общества.

Ближних объединяет общая система ценностей, включая «золотое правило», которое работает только при условии, что все члены группы придерживаются одних и тех же ценностей. Если применять это правило в разнородной среде, оно вызовет хаос и неразбериху. Коммунисты являются сторонниками национализации и потому не против, если национализируют их самих. Мазохисты могут грубо обращаться с другими, не нарушая принцип этической взаимности. Законы и полиция принуждают население мегаполисов к поверхностному сотрудничеству, невзирая на различие в ценностях.

Человеку свойственно испытывать привязанность к ближним, что противоречит коммунистической теории о всемирной солидарности рабочих против капиталистов. Как верно подметил Оруэлл, английских рабочих гораздо больше

интересует футбол, чем судьба их товарищей в Вене или Берлине. Сотрудники «Найка» вместе со своими капиталистами стремятся во что бы то ни стало обойти своих коллег из «Рибока». Люди с большей охотой поддерживают непосредственные цели, чем расплывчатые теории, и вовсе не считают ближними посторонних людей. Неестественные привязанности принимают гротескные формы. Экологи протестуют против вырубания лесов, ставя интересы экзотических животных выше потребностей людей.

Люди, чья религия или идеология требует считать ближним каждого, с удовольствием принимаются преследовать всякого, кого удастся идентифицировать как «другого».

Ближние образуют эволюционирующие группы. Внутри таких групп происходит сотрудничество, но между собой группы конкурируют. К ближним и чужакам предъявляются разные этические требования. В основе «общинной этики» лежит сотрудничество, в основе «этики чужаков» – конкуренция, лишь немного не доходящая до насильственной конфронтации. Государства совершенно не заботятся об этическом отношении к чужакам: что есть грабительская или идеологическая война, если не нарушение запрета на воровство и убийство?

Людям свойственно заботиться о своих ближних. У каждого из нас случаются ситуации, когда мы можем нарушить

этические нормы, не боясь обнаружения и наказания. Между тем люди воздерживаются от нарушения этических норм не столько из страха, сколько потому, что понимают: эти нормы выгодны обществу.

Гедонистический утилитаризм ставит своей целью максимизацию чистой текущей стоимости того удовольствия, которое испытывают все люди или члены группы в данном и следующих поколениях. Как общество ценит будущее удовольствие меньше настоящего, так и отдельные люди учитывают удовольствие чужаков меньше собственного.

В периоды изобилия этическое соглашение расширяется: отдельный человек – семья – нация, а теперь еще и далекие народы и даже животные. Каждый уровень получает меньше прав, чем предыдущий: запрет убийства действует даже для далеких народов, тогда как благотворительность – только для ближних. В период экономического спада границы групп сокращаются: люди начинают больше беспокоиться о себе и своих близких, у них остается меньше ресурсов для посторонних. Поскольку при этом люди и от других не ожидают помощи, стандарт негативной взаимности продолжает соблюдаться. Враждебность, сопровождающая бедность, острее проявляется в сильно мультикультурных обществах с ярко выраженными враждебными группами.

В трудных ситуациях люди не становятся эгоистами автоматически. Когда шансы выжить в группе высоки (например на поле боя), групповые ценности соблюдаются. Такая группа может быть очень маленькой, состоящей из только непосредственно знакомых друг с другом людей, уверенных в доброй воле друг друга. Это может быть компания (в экономике) или отряд (на войне). Когда принадлежность к группе не предполагает никаких выгод (например в случае крайнего голода), люди становятся предельно эгоистичными вплоть до каннибализма и отказа от семьи. В условиях изобилия группы также теряют актуальность. Группы значимы только при появлении новой угрозы, будь-то враг или экономические трудности, при этом степень угрозы должна быть умеренной. Группа – это инструмент конкуренции, без конкуренции группа теряет свою значимость.

В бедных обществах качество жизни невысоко, потому она и ценится низко. С точки зрения соотношения затрат к результатам, убийство – эффективный способ исправить дисбаланс распределения ресурсов. Библия содержит ценный урок в отношении предельной полезности: запрет убийства хотя и ограничивает свободу некоторых людей, тем не менее он очень выгоден обществу в целом, поскольку люди могут безбоязненно образовывать новые общины, сотрудничать друг с другом и тем самым содействовать прогрессу.

Люди вправе игнорировать право собственности других в случае смертельной опасности. Уважение к правам следующего уровня основано на обеспечении прав предыдущего уровня. Обычно человек уважает собственность других только тогда, когда не видит угрозы для своей жизни, особенно если его жизнь зависит от этой собственности.

При увеличении богатства границы групп расширяются, больше прав получают меньшинства, иностранцы и посторонние. Быстрое развитие за счет конкуренции частично приносится в жертву удобству кооперации. Люди, накопившие имущество и осознающие его уязвимость, проявляют сочувствие к другим. Американская домохозяйка с умеренным достатком вполне в состоянии сделать пожертвование для африканских детей. Чем более дружелюбен объект сочувствия на уровне «друг – враг», тем выше его шансы преуспеть в получении помощи.

Богатство само по себе необходимо, но для расширения этики должен быть еще и страх его потерять. За расширением этики стоит та же сила, что за любой групповой принадлежностью, – стремление к стабильному сотрудничеству при сохранении определенного простора для достижения личных целей путем конкуренции. И крайняя нищета, и крайнее богатство отбивает желание интересоваться другими.

Те богатые общества, которые не опасались за свое богатство, часто становились жестокими и высокомерными. Слишком сильный страх обычно тоже не оставляет места для сострадания; впрочем, сочетание богатства с таким страхом довольно редкое явление. Очень богатые люди любят отгораживаться от других, так что расширенная этика больше характерна для ценностной системы среднего класса.

Этика не присуща человеческой натуре, как например дыхание. В некоторых обществах вообще нет понятия собственности – следовательно, у них нет и воровства. В мире происходит слишком много убийств (в войнах) и краж (когда можно остаться безнаказанным), чтобы считать эти типы поведения отклонением. Во многих обществах, особенно бедных и недовольных, насилие считается нормой и большинство людей останавливает от убийства только страх наказания. Этика – это общепринятый искусственный набор убеждений, точно так же как религия и идеология. Однако, в отличие от идеологии, этика есть производное общественных отношений, в ходе которых отбираются и закрепляются только самые полезные поведенческие модели. Идеальная идеология таким способом возникнуть не может, поскольку, в отличие от этики, идеология исповедуется обществом в целом, а не отдельными людьми, и потому не подвергается множественным испытаниям в ходе межличностных отношений.

Этику можно представить как конус, в нижней части которого находятся ближние: права ближних шире, чем посторонних. У этого конуса два измерения: ширина, символизирующая набор прав, и высота, определяющая количество чужаков, за которыми признаются хотя бы минимальные права (семья – деревня – нация – этнос – далекие африканцы – животные – растения).

Конус имеет склонность к иррациональному росту в высоту: разного рода чужаки произвольно и временно добавляются к верхним уровням. Это могут быть гонимые христиане в мусульманских странах (в эпоху крестовых походов) или жертвы голода, душераздирающе представленные тележурналистами. Вырастанию конуса способствуют две силы: страх, что покушение на права других приведет к насилию, и сочувствие. Иногда последнее является следствием первого: сочувствие часто рождается как подсознательный страх страданий. Буддизм признает бесполезность благотворительности; христианство распространяет сочувствие на всех и каждого, делая его нереализуемым; иудаизм требует сочувствия только для ближних. В варварских обществах конус вырождается в точку – абсолютный эгоцентризм, лишаящий прав всех окружающих. Христианство, напротив, пытается превратить конус в цилиндр, делая ближними всех людей.

Относительная этика

Этика относительна. Когда люди не хотят делиться с голодными и больными, они показывают этим, как низко ценят жизнь других людей. Люди выкупают своих родственников у похитителей, не обращая внимания на то, что тем самым поощряют новые преступления. Государства тратят деньги на всевозможные проекты, такие как дороги, хотя могли бы все свободные ресурсы пускать на развитие медицины, чтобы спасти как можно больше жизней. В некоторых профессиях люди постоянно рискуют жизнью за зарплату (например пожарные).

Обычно свободы уживаются друг с другом мирно и достаточно плодотворно. Однако в редких случаях одной из свобод можно пренебречь, если она способствует какому-то злу, пусть и непреднамеренно. Библейский запрет воровства не зря следует за запретом убийства. Можно украсть, когда альтернативой является убийство – например, для своей семьи во время голода.

Само по себе право на жизнь не абсолютно. Людям свойственно рисковать жизнью для спасения других, ради религии или идеологии, ради денег. Невозможно измерить ценность жизни других людей, тем более что часто люди сами показывают, что ценят ее невысоко, когда в определенных ситуациях добровольно подвергают себя смертельной

опасности. Общество покупает чужие жизни, когда платит пожарным и требует от них рисковать жизнью для спасения имущества.

Свободы, как и ценности, относительны. В каждой конкретной ситуации человек определяет ценность различных свобод и решает, какими пожертвовать, а какие реализовать. Хотя некоторые этические системы силой навязывают тот или иной выбор (например, социалистическое общество навязывает общинное право собственности), человек свободен лишь тогда, когда в его свободы никто не вмешивается. Реализация свобод не должна наносить ущерб другим людям без должной компенсации. Если кто-то хочет слушать громкую музыку, он должен обеспечить звуковую изоляцию квартиры. Но жизнь состоит из множества постоянных взаимодействий, в том числе нежелательных, и компенсировать их все невозможно. Здесь выручает негативная заповедь, помогающая выстраивать повседневные отношения между людьми: «Не поступай с ближним так, как не хочешь, чтобы он поступил с тобой». Впрочем, эта заповедь работает только среди ближних – круга людей, разделяющих одни и те же ценности, – и в плюралистическом обществе неработоспособна. Вот почему люди должны иметь право создавать независимые сообщества с общими базовыми ценностями. В особенности эта проблема актуальна для современных богатых обществ, в которых

существует самый широкий спектр политических и культурных взглядов. В таких обществах нецелесообразно требовать единообразия мнений. В плюралистических обществах принято терпимо относиться к умеренным взглядам, а культурное единообразие сводится к общественному договору, санкционирующему эту терпимость. Однако даже в таких обществах культурное единообразие затрудняет развитие новых идей. У радикалов не остается иного выхода, кроме как изолироваться в закрытых общинах. Капиталистические страны могли бы позволить людям покупать землю и запрещать частную собственность на производственное оборудование и наемную рабочую силу. Точно так же сообщества должны иметь право вообще отказаться от государственных служб и приватизировать все вплоть до пожарных станций. Поскольку такие сообщества отказались от государственных служб, нет никаких причин собирать с них налоги. Конечно, им нельзя позволять наносить ущерб другим людям, будь-то экологический или любой другой.

Как нации допускают разность политических взглядов, так же можно допустить и различные правовые системы. Иными словами, человек может купить землю и установить на ней собственную юрисдикцию. При этом с «родительским» государством его будут связывать своего рода союзнические отношения: военная и полицейская защита, другие службы

будут осуществляться совместно. Или же можно создать безземельное «виртуальное» сообщество, члены которого будут жить среди основного населения и покупать только некоторые государственные услуги (и, соответственно, платить меньше налогов).

Если обязать собственников земли обеспечивать всем желающим доступ к своим ресурсам (например, это может быть колодец в пустыне или урожай во время голода), то спрос на эти ресурсы поднимется до нереалистичного уровня. Люди вправе ценить свою жизнь выше имущества других людей и в критических ситуациях рисковать и попадаться на воровстве, но нельзя заставлять людей делиться своим имуществом. Даже если владелец признает, что жизнь важнее имущества, он ценит свое имущество больше, чем голодный человек. Фактор относительности этики вступает в силу лишь тогда, когда испробованы все имеющиеся средства. Регулировать следует только монопольное право собственности. Если человек принес издалека воду и продает ее посреди пустыни, он волен назначить за нее любую цену – в отличие от корпорации, владеющей оазисом.

Свободы могут сталкиваться друг с другом: жизнь солдата против жизни врага, права преступников против прав жертв. Свобода не должна наносить вред другим, а второстепенные свободы не должны покушаться на базовые.

Нравственность требует настройки, адаптации к реальности. Если запреты слишком жестки или вообще абсолютны, людям придется постоянно их нарушать. Невозможно совсем не обижать других, равно как и компенсировать все мыслимые – и воображаемые – виды ущерба. Нравственность не выигрывает, если каждое микроскопическое покушение на свободу других считать нарушением. Со временем чувство вины проходит и люди привыкают нарушать законы. Если одновременно считать преступлением и убийство, и уклонение от налогов, и при этом большинство людей охотно совершает второе, то и к первому со временем начнут относиться несерьезно. Уклонение от налогов – это потеря прибыли государства, а не воровство. Да, теоретически можно считать воровством звонок домой с рабочего телефона, но поскольку ущерб незначителен, нельзя считать это нарушением. Супружеская измена – это нарушение брачного контракта (пусть и подразумеваемого), но если другая сторона не знает о том, что ей изменяют, неверному супругу нет смысла корить себя. Если предоставить людям самостоятельно оценивать свои поступки, они будут склонны оправдывать себя незначительностью проступков, но, с другой стороны, подобная предвзятость вовсе не критична для общества в целом. Общепринятые поступки не должны считаться безнравственными. А вот отдельные люди имеют полное право

призывать других к более строгим нормам морали: сначала они сами покажут пример, а затем к ним присоединятся другие – в случае, если такие нормы докажут свою практичность.

Сотрудничество только между ближними

Идея мирного сотрудничества всех людей – такая же утопия, как плановая экономика. Она подразумевает, что желания людей можно оценить, измерить и сопоставить друг с другом. Принцип негативной взаимности применим только к ближним. Любое правило сотрудничества работает только среди людей с одинаковыми основными ценностями. Если одному человеку нравится дышать грязным воздухом, а другому – нет, они никогда не договорятся по вопросу экологического законодательства, даже если согласны с правилом взаимности. Правительства решают эту проблему, просто покупая согласие людей: менее развитые группы получают взятки, более развитые – защиту. Плюралистичное общество нуждается в таком правительстве, которое сможет выступать посредником между группами, чтобы ни одна группа не получала долговременных преимуществ над другими, но при этом все платили налоги. Расширение групп обесценивает основные ценности: чем больше группа, тем меньше принципов разделяют все ее члены. Если с заповедью *«не убий»* согласны все, то с *«не укради»* –

гораздо меньше людей, а по максимально допустимому уровню загрязнения договориться вообще маловероятно.

Таким образом, анархистским сообществам придется стать либо очень маленькими и этически однородными, либо перейти к либертарианству и регулировать только самые основные ценности. Любые другие варианты будут уже не анархистскими, хотя вполне могут принять внешнюю юрисдикцию в обмен на материальные блага или удобства.

Чтобы два человека согласились с доказательством теоремы, они оба должны принимать общую систему аксиом. Если у людей разные базовые ценности, то часто им сложно согласиться с какими-то выводами. Разные аксиомы ведут к разным выводам. Честные и сочувствующие люди вполне способны избегать конфликтов, коренящихся не в различии ценностей, а в нежелании учитывать интересы других. Но даже после этого останется множество объективных противоречий, которые не решить сотрудничеством. Маловероятно, что универсальное сочувствие способствует эволюции, поскольку от сочувствия выигрывают слабые и неэффективные. К примирению часто ведет сочувствие, но еще чаще – собственный интерес, выраженный в желании избежать конфронтации. Когда один человек уступает другому с иными ценностями только из сочувствия, это негативно сказывается на общем благополучии, поскольку закрепляет слабость. Допустим,

можно покупать плохие или слишком дорогие товары из сочувствия к изготовителю, но это повредит конкуренции и развитию. Искусственное сочувствие часто вредит более эффективным группам: избыточные социальные программы дорого обходятся налогоплательщикам. Конечно, угнетать слабых неприемлемо, но и помогать им следует только в самых крайних ситуациях. Это значит, например, что мы помогаем коммунистическим режимам, таким как Северная Корея, только в случае массовой гибели населения от голода. Люди привыкли сотрудничать со своими ближними, телевидение сделало ближними всех жителей земного шара, и поэтому многим такой подход может показаться жестоким. И тем не менее это единственный эффективный путь для поведенческой и общественной эволюции. Животные обычно ведут себя гораздо более жестоко. Люди, владеющие большими ресурсами, могут позволить себе экспериментировать. Конечно, не нужно специально репрессировать слабых, достаточно просто подождать, когда они исчезнут естественным путем. Если им помогать, это сильно затруднит эволюционное развитие.

Невозможность добрых намерений ко всем и каждому видна уже из того, как быстро люди рационализируют неудачи других (неправильные взгляды, легкомыслие, невезение), таким образом отделяя себя от них. Часто люди не могут видеть, как страдает член их группы, но к страданиям других относятся

спокойно. Гораздо проще отделиться от страдающих, рассматривать их как недостойных помощи, чем действительно помочь.

Поскольку всеобъемлющая этика – феномен внутригрупповой, отношения между группами, основанные на конкуренции интересов и сдерживаемые только страхом и общими ценностями, являются вне-этичными. Чем более развито общество, тем больше в нем этических норм. Чем богаче общество, тем больше оно боится потерять это богатство и, соответственно, тем более этично оно относится к посторонним.

Сотрудничество – это тенденция, а не свойство. Иногда удается решить проблему асоциальным способом, но в конечном итоге это вредит обществу, и потому оно запрещает любые эксплуатирующие модели поведения.

Группы со схожими ценностями распределены по всему мировому сообществу, взаимодействуя друг с другом в своеобразной изоморфной паутине. Они подвижны, между ними уже нет территориальных барьеров, и нередко бывает так, что один человек относится сразу к нескольким группам. Такие «зыбкие» группы вызывают у других менее стойкую ненависть, чем традиционные жесткие группы. Сегодня конфликты между автопроизводителями масштабнее чем коммерческие войны в прежние века, но «Джи-эм» не саботирует «Тойоту», и их дилеры не поджигают друг друга. Противоборствующие группы

тесно переплетены друг с другом, а их члены разделяют одни и те же моральные ценности. Конечно, войны не канули в лету навсегда: угроза тотальной войны снизилась исключительно благодаря ядерному сдерживанию, и у разных цивилизаций по-прежнему разные нравственные ценности. Терроризм использует зыбкость современных групп: террористы понимают, что массированное нападение вызовет ответную реакцию со стороны других групп помимо непосредственного противника, и поэтому прибегают к точечным ударам.

Разные группы не могут друг другу доверять. Для взаимного доверия необходимы общие цели и интересы. Доверие – результат предсказуемости, уверенности в том, что другие люди, руководствуясь собственными интересами, будут сдерживать свои обещания. Исключением являются тактические альянсы: оппоненты нарушают данные обещания, когда из-за непредсказуемого появления новых факторов сдерживать обещания невыгодно. Поскольку сторонам достаточно доверять друг другу только в вопросах взаимного интереса, условий для доверия два: общие интересы и достаточное знание друг друга, чтобы обеспечить долговременную предсказуемость. Чаще всего группы имеют общие интересы тогда, когда у них общий враг. Однако даже тогда сотрудничество не гарантировано, поскольку стороны по-разному воспринимают угрозу. Одна сторона может выступать за конфронтацию с врагом, а другая – за примирение.

Конфликты между группами можно разрешать только через конкуренцию, за исключением случая, когда некоторые группы временно сотрудничают для совместной конкуренции с другими. Даже внутри одной нации разные группы могут ожесточенно конкурировать за субсидии. Не все конфликты переходят в военные или торговые столкновения, однако при принятии решений все стороны учитывают возможность подобного исхода. Справедлива ли такая система разрешения конфликтов? Только если с ней согласны все стороны. Например, когда перед Первой мировой войной Германия и Франция решили разрешить свои противоречия войной, это соответствовало правилу негативной взаимности. Между тем агрессия Китая против тибетских монахов нарушает это правило.

Можно ли утверждать, что никакая группа не должна подвергаться репрессиям? Ясно, что бандитов нужно наказывать, чтобы они не совершали новые преступления. Тогда, быть может, наказывать только тех, кто притесняет других? Это определение непрактично и неоднозначно, поскольку часто две группы взаимно угрожают друг другу, или же одни люди одобряют агрессию, а другие осуждают. Если следовать этой логике, то тираны имеют полное право подавлять революционеров, ведь те хотят свергнуть их силой.

Когда интересы абсолютно непримиримы, – например, когда две группы хотят получить одну и ту же территорию или обратить одних и тех же людей в свою веру, – единственным аргументом остается сила. Сила символизирует относительную привлекательность конфликтующих систем взглядов, показывает, какой поддержкой пользуется и оперирует каждая из сторон. В рациональном мире для решения конфликтов хватило бы простой оценки сторонами силы друг друга: более слабая сторона сдастся мирным путем. Эволюционная конкуренция уродлива: людям не нравятся механизмы, исключаящие сотрудничество, однако такие механизмы необходимы для выживания и общего совершенствования.

В семьях часто принято наказывать за нежелание сотрудничать. Ближние конкурируют друг с другом в торговле, не выходя за общепринятые рамки приемлемого. Граждане не используют друг к другу силу, но полагаются на законы. Разве не могут и группы взаимодействовать подобным образом? Нет. Внутри государства существует правовая система, и граждане ей пользуются, потому что являются ближними друг другу и разделяют основные ценности. Между ними нет настолько непримиримых противоречий, чтобы оправдать насилие, убийство и подобные жесткие меры (хотя вполне могут быть бойкоты, митинги и бунты). Когда межгрупповые различия размываются, а экономические связи укрепляются, группы часто

сливаются воедино: так произошло с германскими княжествами в девятнадцатом веке и с Евросоюзом в веке двадцатом. Соответственно, еще недавно враждебные друг к другу люди отказываются от силы в пользу законов. Люди терпимы к разнообразию мнений, если эти мнения укладываются в единую систему ценностей, но в случае фундаментально различных идеологий, что часто происходит в системе международных отношений, терпимость невозможна. Если первое люди воспринимают как нечто невинное, то второе для них – источник потенциальной опасности.

Когда ядром конфликта является какой-либо уникальный ресурс, от которого зависит благополучие или самоидентификация группы, такой конфликт может считаться оправданным (не путать оправданность и справедливость). Именно это имеет место в случае арабо-израильской войны. Справедливо использовать силу для отражения угрозы. Справедливо и благородно защищать свою свободу. Правильно казнить убийц. Но геноцид – это всегда преступление. Нельзя проводить знак равенства между борьбой с тиранией и желанием свергнуть ответственное представительное правительство. Применение силы оправдано только для защиты жизни, свободы, собственности и достоинства. В любых других ситуациях насилие неприемлемо.

Может ли сильнейшая сторона свободно трактовать правильность своих целей? Да, но до определенных пределов. Если сила чрезмерна, агрессор рискует, что против него выступит слишком много оппонентов. Этот риск ограничивает возможные злоупотребления силой.

Некоторые группы выросли за счет ненависти к общим врагам. Ксенофобия усиливает внутригрупповое сотрудничество. Общая культура, все более изоморфная благодаря СМИ, привела к появлению крупных групп, основанных на общих ценностях. Группа может быть определена как максимальная единица, внутри которой действует правило негативной взаимности. Группы, основанные на ценностях, слабее групп, основанных на ненависти. В первых существует только негативное сотрудничество, тогда как в последних практикуется позитивное сотрудничество против общего врага либо угрозы. На заре индустриального городского общества переход от позитивного сотрудничества к негативному повредил общинные связи. Лишившись общих врагов и достоверных угроз, оставшись наедине с личными интересами, люди потеряли объективную необходимость в позитивном сотрудничестве. Новые группы сформировались вокруг новых задач: сегодня рабочие могут согласиться со сверхурочной работой или понижением зарплаты ради сохранения

конкурентоспособности фабрики, но такие связи нестабильны и не так четко оформлены, как традиционные сообщества.

Исчезновение общин и четко очерченных групп указывает на отсутствие врагов, человеческих и экономических. Социалисты ошибаются, говоря, что мир стал враждебнее и экономически тяжелее. Усиление конкуренции внутри групп показывает, что выживание упростилось. Люди не ощущают потребности в группе для выживания, и могут позволить себе конкуренцию с целью максимального экономического развития.

Чем выше плотность населения, тем актуальнее становится определение ближнего, основанное на территориальной близости. Ближние просто вынуждены придерживаться одних и тех же основных ценностей, потому что в противном случае эти ценности будут навязаны им полицией. Чем более компактно проживает группа, тем больше проектов и законодательных инициатив она сможет реализовать путем консенсуса. Жизнь в мегаполисе требует подавить индивидуальность и принять государственные ценности. Понимая это, многие захотят переехать в небольшие сообщества с общими ценностями, и в мегаполисах останутся только бедняки и люди без четких ценностей.

В результате разрушения традиционных общинных связей образовался вакуум, и люди начинают искусственно его заполнять, помещая в свою группу вымирающих мишек,

африканцев и больных детей. Благодаря телевидению круг людей, воспринимаемых как ближние, расширился до огромных размеров: сегодня мы видим голодного ребенка в далекой африканской деревне, и глаза наполняются слезами сочувствия. Это искусственное расширение имеет отрицательные последствия. При расширении материи до бесконечности ее плотность становится равной нулю; любовь ко всем – это любовь ни к кому. Те же люди, что жертвуют на африканские благотворительные программы, ненавидят собственных соседей – любителей громкой музыки. Когда получателей благотворительности слишком много, это размывает само понятие сострадания. Если человек считает, что большинство получателей не заслуживают помощи, он меньше мотивирован помочь настоящим нуждающимся, чем если бы они были единственными получателями. В постиндустриальных мегаполисах связи между ближними ослабли. Эрозия групповой привязанности породила ненависть, которая в развитых обществах больше не проходит по линиям национальности и религии. Сегодня каждый сам за себя, а группы если и образуются, то произвольно и под конкретные нужды. Например, нет никакого объяснения, почему немцы решили истреблять именно евреев и цыган, а не французов, которые еще несколько десятилетий назад были их злейшими врагами. Кстати, политики задолго до рядовых граждан научились

мыслить геополитическими категориями, произвольно меняя друзей и врагов, заключая и расторгая альянсы. Отношения между ближними быстрее изменяются, становятся более сложными и менее предсказуемыми.

Социалисты провозглашают всемирное единство рабочих, сверхгруппу, члены которой в действительности не испытывают друг к другу никакой привязанности. Стремясь защитить собственных избирателей, социалисты придумали различные благовидные предлоги, чтобы не сотрудничать с рабочими в других странах: борьба с империализмом, санкции против враждебных режимов, национализм. Им пришлось защищать свою базу поддержки от трудовой конкуренции – именно это привело к репрессиям крестьянства в Советском Союзе. Произвольное определение *врага* требует идеологической обработки. В социализме классовые различия жестко закреплены, в отличие от либерального капитализма с его классовой гибкостью.

Другой пример слишком широкой группы – Европейский Союз. Уже сейчас в него входят страны с самым разным уровнем экономического развития, а с вхождением Турции к этому прибавится и культурная несовместимость. Так называемые соседи по европейскому дому нагло эксплуатируют Союз, требуя субсидий, скрывая бюджетный дефицит и

заклячая политические альянсы с посторонними, особенно США.

Люди не являются ни индивидуалистами, ни социальными животными. Нельзя сказать, что ими движут только собственные интересы или только благо общества. Скорее, люди присоединяются к разным группам с разной степенью привязанности, в результате чего образуются гибкие системы взаимоотношений. Когда кажется, что кто-то начинает действовать против общего блага, на самом деле он просто перешел в другую группу. Закончив воевать, бывшие товарищи по оружию превращаются в конкурентов.

Будучи социальными созданиями, люди в первую очередь преследуют интересы самой малой группы, продвигающей их интересы. В военное время такой группой обычно является нация, однако в мирное время наименьшей группой может быть и фирма, и семья, и множество других групп. Поскольку ни одно сообщество не в силах воплотить в реальность мечты каждого своего члена, людям приходится искать компромисс между собственными интересами и их ближайшей возможной реализацией. Индивидуализм и коллективизм уравнивают друг друга, при этом вероятность достижения целей ограничивается ценой, которую необходимо для этого заплатить. По сути, альтруизм часто является точно

рассчитанным компромиссом, частичным отказом от личных чаяний в обмен на лучшую вероятность их уравнивания.

Личные определения интереса чаще всего иррациональны (хотя не обязательно ошибочны). Альпинисты и пожарные добровольно подвергают себя опасности из нравственных соображений. Для них важно подобрать подходящие рациональные причины: это может быть чувство собственного достоинства, профессиональная или групповая репутация и даже финансовые соображения. Более реалистичная причина может состоять в том, что ценность объекта резко увеличивается в условиях стресса, когда разум подавляет критическую оценку явлений; пожарные могут из всех сил стараться спасти на пожаре не очень важное имущество. Концентрация внимания на одном объекте вытесняет все прочие соображения и запускает бескорыстное поведение, служащее общему благу.

Иногда альтруизм основан на желании отличаться от других. Некоторые из тех, кто спасал евреев во время Второй мировой войны, были своего рода белым воронами, презиравшими политику правительства. Другие, например папа Римский, стремились в первую очередь сохранить репутацию или чувство собственного достоинства. Но что можно сказать насчет настоящего альтруизма? Настоящий альтруизм – это всегда сочувствие. Альтруизм – расширение списка людей, которые заслуживают сочувствия. Люди могут сочувствовать

близким родственникам, всего лишь не имеющим собственного дома, но оставаться равнодушными к настоящим бедствиям посторонних, за исключением разве что особо жестоких зверств. Существует много уровней групповой принадлежности: семья как ближайшая группа с самой жесткой этикой; нация, запрещающая убийство и воровство; наконец, человечество в целом, где запрещены только массовые убийства. Если вернуться к примеру с евреями, некоторые люди были слишком простодушны или, наоборот, слишком развиты, чтобы воспринимать евреев как чужаков, и помогали им как ближним. Однако большинство праведников помогало евреям только потому, что страшные по масштабам зверства угрожали сверхгруппе – человечеству. Задействуется баланс между личным риском (объективный риск с учетом восприятия собственной значимости) и предполагаемой угрозой для группы. Сочувствующие люди не садились и не вычисляли, сколько добра они принесут обществу, пойдя на риск. Защита общих интересов – это подсознательный импульс, функционирующий как инстинкт самосохранения.

Когда солдат получает опасное задание, часто он не ожидает от общества благодарности. Рациональнее было бы вообще дезертировать, но он этого не делает. Почему? Готовность к смерти во имя группы объяснить подсознательным животным инстинктом: люди имеют способность

контролировать свои инстинкты, хотя при стрессе это иногда и сложно. Дело в другом. Человек – это не только тело, но и разум, и иногда он может принять рациональное решение защитить разум ценой тела. Некоторые взгляды настолько глубоко укоренены в человеческой природе, что становятся частью ментальности, и человек не готов отказаться от них ради сохранения тела. Многие действия, которые с индивидуальной точки зрения кажутся иррациональными, с точки зрения группы могут быть вполне разумными. Идеология цементирует группы, и когда член группы погибает за идеологию, это укрепляет групповые ценности. Пропаганда подавляет критическое осмысление происходящего, программирует людей так, чтобы государственные интересы они воспринимали как свои собственные. Какой-то солдат может погибнуть за то, что считает своим собственным интересом, но большинство солдат погибают за ту единственную группу, которая важна для них в критических условиях, – за своих товарищей. Действительно, ближний – это тот, от кого ждут помощи.

Общинный инстинкт (групповой интерес, сочувствие, альтруизм) обычно не взаимен. Сочувствие не вознаграждается напрямую. Люди считают себя одновременно и личностью, и частью группы, при этом интересы группы рассматриваются как личные. Общинность – это интерпретация индивидуализма. Общинность основана на доминирующей нравственности и

опыте, она подсознательно, хотя и не всегда рационально, способствует индивидуальным целям.

Баланс между индивидуализмом и общинностью зависит от культуры общества, его экономического развития, а также уровня безопасности. При наличии угрозы насилия или голода общинность укрепляется. Недостаток индивидуализма вредит меньшинствам, затрудняет появление новых взглядов, мешает интеллектуальному развитию и тормозит прогресс. Недостаток общинности ослабляет узы взаимопомощи и дестабилизирует общество. Здоровье и эволюция человеческого общества зависит от гибкого баланса между индивидуализмом и общинностью.

Негативное законодательство

Либерализм предлагает идею негативного регулирования. Такое регулирование запрещает только общественно опасные акты, но не ограничивает и не регламентирует личные нормы поведения при условии, что человек не вредит другим. Казалось бы, следующий логический шаг – законодательно предписать позитивные действия, но это уже не работает. Невозможность позитивных предписаний подчеркивает заблуждение рационализма. Мир слишком сложен, чтобы можно было полностью его понять и тем более управлять им с помощью рациональных инструкций, таких как центральное планирование

экономики. Если воздерживаться от каких-то действий, можно упустить шанс сделать мир лучше, но по крайней мере так можно гарантированно не навредить другим. Вещи будут просто идти своим чередом, который обычно является самым эффективным. Действие может улучшить мир, но чаще оно ему вредит, привнося в него множасьщие сами себя отклонения.

Чтобы законодательно требовать от граждан творить «добро», все должны понимать добро одинаково, уметь разрешать конфликты (которые неизбежны, поскольку любой добрый поступок сделает кого-то недовольным) и быть движимы правильными мотивами, исключая эксплуатацию. Все это применимо к ближним, но не работает, если люди сильно отличаются друг от друга. Добрые намерения редко ведут к хорошим результатам. Лишь самые простые ситуации в экономике и любой другой сложной адаптивной системе допускают расчеты и рациональные решения. Библия предписывает позитивные действия только тогда, когда они явно никому не вредят: помочь разгрузить осла своего врага, пустить сирот и вдов собирать колосья. Применение этого подхода к более сложным ситуациям создает конфликты: социальная помощь трудоспособным взрослым людям отбивает у них желание работать и делает общество беднее. Планировщики часто оправдывают вред, который позитивные действия наносят получателям соцобеспечения, тем, что последние могут от него

отказаться. Но они не отказываются, будь-то из нужды, жадности или неумения оценить долгосрочные последствия. В мире, которым управляют делатели добра, благотворительность силой насаждается тем, кто не желает ее принимать, и даже становится предлогом для войн.

Позитивные действия обычно вредят тем, кто их совершает, по крайней мере в части затрат времени и ресурсов. Общество предполагает, что богатые не сильно беспокоятся о своих избыточных ресурсах и потому должны помогать другим. Страны с более высокими нравственными ценностями должны соответствовать ожиданиям общества. Во время кризиса в Сомали ООН обратилась за помощью к США, а не к России. От тоталитарного режима никто не ждал, что он бескорыстно поделится своими ресурсами, но Америка, склонная к морализаторству, пошла на жертвы охотно. И это разумно, если не считать непредумышленный ущерб, который часто наносит благотворительность.

Людам свойственно быстро забывать оказанные им услуги, особенно если они необязательны. Получатели благотворительности зачастую оценивают ее куда ниже реальных затрат. Сами благотворители часто разочаровываются, видя злоупотребление своими услугами и отсутствие ответных шагов со стороны получателей. Но это совершенно рационально: взаимность невозможна, когда две стороны

оценивают добро по-разному. Когда двое людей воздерживаются от убийства друг друга, это стоит им одинаково, но если человек получает бесполезный подарок ценой в 100 долларов, он вряд ли потратит 100 долларов на ответный подарок.

Люди делают что-то для других по нескольким причинам: из сочувствия, из группового интереса или из благодарности. Некоторых благодетелей невозможно отговорить делать «добро», даже когда негативные последствия их деятельности очевидны. С другой стороны, нельзя и требовать совершать благодеяния. В первую очередь люди должны получать от жизни удовольствие, а не тратить ее на помощь другим, если только это им не в радость. Нельзя обвинять врачей в убийстве, если они отказались бесконечно поддерживать жизнь пациента.

Анархистским обществом управляют свободы, а не права, понимаемые как позитивизм и дающие людям право что-то требовать от общества. Не существует неотъемлемого права на социальное пособие и даже на жизнь, но как только общество начинает собирать налоги на социальные программы и содержание полиции, люди имеют право требовать обещанных услуг. Если в обществе нет ни налогов, ни общественной полиции, люди свободны жить и владеть имуществом, но не могут требовать ни защиты, ни благотворительности. Общество должно запретить любые действия по отношению к людям и

группам, на которые те не согласны. Это позволит совершать благодеяния при наличии на них спроса, но не оставит места для центрального планирования, позитивных инструкций, монопольных юрисдикций и невозмещенного ущерба.

Принцип негативности позволяет использовать насилие, чтобы пресечь правонарушение и восстановить статус-кво *ante delictum* – до совершения преступления. В свободном обществе граждане вправе аннулировать незаконное отклонение от нормы, для чего можно строить тюрьмы и нападать на воров. Может показаться, что полицейские меры по своей природе позитивны, однако на самом деле они негативны, поскольку направлены на отмену преступного действия, такого как воровство. Отмене подлежит не только насильственный акт, но и достоверная угроза. Человек убивает рэкетира не для того, чтобы перестать платить, но чтобы предотвратить насилие, возможное в случае прекращения платежей.

Полицейские меры оправданы, если они аннулируют преступное отклонение от нормы. Убивать вора нет смысла, поскольку для возмещения ущерба или предотвращения рецидива достаточно потребовать компенсацию или заключить под стражу. Убийство вора – это не аннулирование деяния, а новое деяние.

Согласно Библии, смертью наказывается не убийство как таковое – это привело бы к циклу кровной мести, – а только

преступное убийство. Казнь убийцы считается надлежащей расплатой за ранее совершенное преступление, негативным действием по устранению позитивного (преступления). Следовательно, казнь нельзя осуждать и мстить за нее.

Другие примеры преступного отклонения – нарушение контракта и прочие виды невозмещенного ущерба. Их следует возмещать в судебном порядке.

Некоторые виды преступлений, такие как воровство, можно возместить. Библия требует возмещать ущерб сверх фактически причиненного – преступник как бы расплачивается за нераскрытые преступления. Последствия многих преступлений необратимы, и *статус кво* восстановить невозможно, так что возмещение переводится в моральное измерение: компенсация заменяется возмездием. Именно поэтому негативное законодательство допускает казнь убийцы.

Поскольку каждое конкретное преступление наносит обществу лишь незначительный вред, общество заинтересовано не в компенсации, а в предотвращении рецидива. Требование воздерживаться от преступлений позволяет обществу активно противодействовать преступности.

Уголовное судопроизводство занимается уже совершенными преступлениями, а не защищает людей от преступности. Защита людей от готовящихся преступлений требует огромных затрат; учитывая малую вероятность

совершения преступления в каждом конкретном случае, соотношение затрат к выгоде от такой деятельности близко к нулю. Если проводить эту политику последовательно, результатом станет тоталитарный режим, где люди заточены в своих домах.

Хотя ответственность индивидуальна, в Библии мы часто видим, что народы оцениваются коллективно. В своей собственной группе люди могут вершить справедливость и наказывать виновных, но другая группа для них недостижима. Как же компенсировать вред, нанесенный другой группой? Индивидуальная ответственность работает только внутри группы, а к другим группам относятся как к единому коллективному целому. Именно этот принцип позволяет бомбить города во время войн. Если преступник известен и доступен для правосудия, его нужно судить индивидуально. Однако если группа защищает своих преступников, то всегда существует крайняя мера – коллективная ответственность. Конечно, при этом нужно стремиться свести к минимуму сопутствующие потери. Как Лоту было разрешено покинуть Содом, так же и граждане должны иметь возможность покинуть опасную зону.

Идеальное общество ответственных и сочувствующих людей может полностью отказаться от позитивного регулирования. Однако в мире несовершенных людей это

сделать не получится. Хотя Библия санкционирует в основном негативное законодательство, она содержит и ряд позитивных предписаний, в частности в вопросе десятины. Чтобы запретить инцест, Библия ограничивает круг кровных родственников двоюродными братьями и сестрами – типичный позитивный критерий. В либеральном обществе тоже должно быть некоторое число произвольных оценок: скажем, приемлемый уровень экологического загрязнения и размер штрафа за его превышение.

Не имеет значения, кто именно будет создавать позитивное законодательство – судьи или депутаты парламента, тем более что в идеале законотворчество должно напоминать судебный процесс. Сравнение похожих законов, традиции и здравый смысл помогут минимизировать неизбежную произвольность законов.

Классическая антиномическая анархия неработоспособна точно так же, как коммунизм Руссо с его приматом общественного над частным.

Негативный подход постулирует не право *на*, а право *не*. Настоящая свобода – это свобода от произвольных ограничений, такая свобода позволяет людям накапливать богатство любыми удобными для них способами. Отсутствие обезличенных ограничений, таких как плохая погода или физический недостаток, является не правом, а везением. Возможность делать

что-либо, например, жить в согласии с определенным материальным стандартом, – это достижение, а не право, хотя оно и может быть незаслуженным. Софистически переопределяя понятие прав, социалисты придают своим требованиям перераспределения видимость анархизма или либерализма, но этот подход упирается в простые, но принципиально неразрешимые вопросы. Как широко должно простираться «право на»? Это должно быть право просто на жизнь? на жизнь в согласии с американскими или германскими стандартами? на жизнь в эгалитарном обществе? на право покупать все, что захочется? Кто будет определять сферу применения этого «права»? Только представьте, насколько зависимы люди станут от произвольных решений регулирующих органов. Кто будет оценивать и разрешать конфликты между противоположными желаниями людей? Любой студент хочет иметь «право» бесплатно учиться в престижном университете – представьте, что произойдет с этими университетами. А как быть с «правами» в отношении нематериальных объектов? Должно ли общество принуждать женщину выйти замуж за поклонника, который «имеет право» на ней жениться? Судебное расторжение брака через развод принципиально отличается от принуждения вступить в брак на основании чьего-то «права» это делать; негативное действие допустимо, позитивное - нет.

Равное «право на» означает равенство. Если люди одинаково равны делать или иметь все, что захотят, тогда они равны позитивно. Негативное равенство либерализма иного свойства: оно провозглашает отсутствие произвольных ограничений. Эгалитаризм многократно доказал свою нереализуемость на практике. Кроме того, эгалитаризм безнравственен. Двадцатилетний и восьмидесятилетний не равны в свободе получать пенсию за счет общества. Богатый и безработный не имеют равное право купить «Лексус». Чтобы обеспечить для всех равное «право на», обществу придется неравно использовать ресурсы.

Если равенство не определяется как равное отсутствие произвольных запретов, тогда мы говорим о равенстве возможностей («право на»). Этот вид равенства вынужден перенастраиваться на каждой стадии. Хотя у учеников равный доступ к школьному образованию, они учатся по-разному и имеют разные шансы поступить в хороший университет. Затем общество уравнивает их шансы на поступление в университет с помощью антидискриминационных мер. Но они снова учатся по-разному уже в университете. Тогда общество уравнивает их шансы на получение работы. Но они и работают по-разному. Следующий логический шаг – уравнивать шансы на сохранение работы, ограничив увольнения и произвольно подавая в суд на работодателей за увольнение работников. Разные рабочие

производят разную добавленную стоимость; те, кто производит меньше, часто получают от общества больше, поскольку общество стремится уравнивать доходы. После многих лет работы с разным качеством людей снова уравнивают в размере пенсии и медицинского пособия. Если постоянно применять равенство возможностей к каждой стадии жизни человека, пострадает равенство результатов. «Право на» требует постоянного умножения регулятивных мер. Тоталитарная, всемогущая бюрократия правит эгалитарными обществами, навязывая людям решения и нравственные нормы.

Если не знать историю, легко спутать «право на» с «правом не». Известен классический социалистический аргумент о двух людях, попавших в яму: первый прыгнул туда по доброй воле, второй упал случайно. Социалисты утверждают: поскольку оба оказались в одной и той же ситуации, нет смысла выяснять, какой случай легитимен, а какой нет, как поступают либералы. Однако дело в том, что само подобное сопоставление бессмысленно. Схожие состояния могут быть следствием несхожих действий. С точки зрения логики, идентичные следствия ничего не говорят о предшествующих действиях. Человек может быть беден потому, что он глуп, является монахом, растратил наследство или стал жертвой ограбления, но все эти случаи невозможно уравнивать между собой. Каждый требует своего собственного подхода, причем нарушением

«права не» является только последний. Быть может, им всем нужно помочь выбраться из ямы, но для этого нужно выяснить, какие причины привели к падению в нее. Если этого не сделать, можно поощрить в объекте помощи безответственное поведение. Затем будет достаточно устранить нарушение «права не» (страдать от покушения или ограбления) и позаботиться о предотвращении аналогичных ситуаций в будущем. Нет никакой необходимости создавать избыточное и произвольное «право на». Более того, общество даже не обязано восстанавливать жертву насилия в ее предыдущем статусе – это обязанность преступника. Общество преследует преступников лишь для того, чтобы отбить у других желание следовать их примеру и статистически обеспечить право не подвергаться насилию. Конечно, воровство или рождение в бедной семье понижает шансы добиться успеха, но это не проблема общества.

Если исходить из логики предельной полезности, может показаться целесообразным создавать «права на» при условии, что они ведут к благу многих при невысокой цене. На практике это неосуществимо. Любая подобная программа будет склонна к разрастанию, удорожанию и снижению эффективности. Частная благотворительность всегда лучше, чем бюрократически управляемая система социальных пособий за счет налогоплательщиков.

Позитивизм и рационализм

Любая этическая система может быть только негативной: избежание каких-то действий или игнорирование каких-то событий. Любые позитивные инструкции наталкиваются на проблему выбора: каким предписаниям следовать? Они различны и потому неизбежно противоречивы. Чтобы преследовать одну цель, нужно пожертвовать другими. Предполагается, что этика оперирует ключевыми принципами; если какая-либо идея не заслуживает стать принципом, нет и смысла строить на ее основе этику. Предельно сосредоточенно преследовать все цели одновременно невозможно, придется искать компромисс между ними. Этот компромисс может быть только субъективным, зависящим от относительных ценностей, которые человек связывает с каждой из целей. Следовательно, и этика, и путь к счастью всегда субъективны, недостижимы для централизованных инструкций. Счастье – явление полностью субъективное, его невозможно ни измерить, ни достичь путем исполнения позитивных правил. Иными словами, субъективное явление не подлежит объективному регулированию.

Позитивизм часто преподносится как средство утверждения нравственности в безнравственном (насильственном, эгоистичном) мире. Но настоящая нравственность – это нравственность реального мира. Это та этическая система, к которой люди пришли естественным путем.

Теоретическая нравственность, утверждаемая регулированием, – это всегда либо утопическое донкихотство, либо маска, скрывающая интересы определенных групп.

Позитивный принцип «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой» непрактичен. Это значит, что перед обедом нужно поделиться едой со всеми окружающими. Это значит, что каждый, кто любит ближнего, должен добиться, чтобы этот ближний испытывал тот же уровень удовлетворения. Отдав свое имущество ближнему, он должен будет сразу же получить имущество другого, и наоборот – до бесконечности. Но ведь тот, кто принимает имущество от другого, вредит и ему (поскольку его имущество уменьшается), и другим (поскольку получить это имущество могли бы они, а не он). Имущество всегда ограничено, и делать добро *всем* невозможно, максимум – некоторым. Отношение (в отличие от действий) к другим людям не подлежит регулированию. Позитивная заповедь из Левита 19:34: «Ты должен любить его, как самого себя» – должна пониматься в контексте негативной формулировки Левита 19:33: «Ты не должен делать ему зло». Более того, согласно Библии, так относиться нужно только к ближним. Только к ближнему можно хотя бы в некоторой степени относиться, как к самому себе.

Позитивизм сеет чувство вины, поскольку люди понимают, что могли бы что-то сделать, но не хотят это делать:

например, вместо обеда в ресторане послать его стоимость кому-то, кто мог бы жить на эту сумму несколько месяцев. Вместо того чтобы принять это как часть человеческой природы, люди начинают приписывать это своей воображаемой греховности. Позитивизм опасен для общества, поскольку бесконечное неделание добра обесценивает нравственность, в том числе настоящую – негативную – этику.

Действие, как и бездействие, должно быть оправдано. Чтобы изменить естественный ход событий, нужна какая-то причина. Воздержание от убийства и воровства не требует ни физических усилий, ни времени, ни ресурсов. Негативное законодательство обычно не накладывает на людей дополнительные расходы. Позитивные инструкции требуют что-то делать, и стоимость этого «что-то» для разных людей разная. В каких-то случаях на эту несправедливость закрывают глаза. В других стоимость уравнивается за счет того, что регулирование диверсифицируется и к людям предъявляются разные требования. Перед позитивным законом люди не равны, и для его соблюдения требуется либо принуждение, либо манипуляция общественным мнением.

Когда один человек выполняет просьбу другого – это крайний случай, однако чаще всего это не позитивизм, поскольку благодетель не навязывает получателю никаких действий. Следовательно, дача в долг не будет позитивизмом.

Позитивизмом является помощь в монопольной ситуации, когда больше ее ждать неоткуда: в этом случае получатель не сможет осуществить свои планы без помощи благодетеля. Такая помощь должна быть тщательно выверена, предлагать ее следует только в простых и явно выгодных ситуациях. Такой ситуацией не является, например, когда одна сторона просит у другой оружие для убийства, а в других местах найти его сложно. Ответ на просьбу подпадает под действие правила негативной взаимности, поскольку никто не хочет, чтобы его важную просьбу проигнорировали.

Гарантии также являются позитивизмом. Это попытка ввести предсказуемость в неорганизованную сложную адаптивную систему. Гарантии пагубно сказываются на работе такой системы, поскольку непропорционально дороги и неэффективны. Когда обязательства и гарантии сторон фиксируются в контракте между двумя сторонами, эта предсказуемость способна навредить только им и больше никому. Но когда гарантии распространяются на все общество, они и вредят всему обществу, как любой обобщенный позитивизм (расширенная этика, налоги и т. д.). Это относится в том числе к социальным гарантиям, таким как пенсии. Люди либо не знают о размере своей будущей пенсии (в частных пенсионных фондах), либо теряют значительную часть накоплений (в государственных фондах). Пенсии уничтожают

гибкость трудовых привычек, таких как повышение пенсионного возраста в результате увеличения продолжительности образования и сокращения рождаемости. Пожилые избиратели вынуждают государство понижать пенсионный возраст и увеличивать число разнообразных льгот, не обращая внимания на реальные возможности общества. Гарантии по банковским вкладам ведут к безответственной кредитной политике, и эту проблему общество игнорирует, ведь вклады гарантированы. Позитивное регулирование противоречит самой природе человека. Никому не нравится, когда ему приказывают. Когда человека заставляют что-то делать, это превращает его в бездумного робота. Часто регулирование ненавидят даже те, кто извлекает из него выгоду. Получатели благотворительности могут недолюбливать своих благодетелей.

Позитивизм закрепляет и умножает сам себя. Регулирование препятствует естественному человеческому поведению. Препятствование только усиливает давление, что приводит к новому витку регулирования. Люди находят способы обойти препятствия, вынуждая законодателей их расширять. Поскольку любое регулирование направлено на помощь одним за счет других, предприимчивые люди сами вступают в ряды получателей благотворительности, что делает регулирование более дорогостоящим. Вокруг регулирования вырастает

бюрократия, вечно занятая поддержкой, охранением и рационализацией регулирования. Когда неэффективное поведение поощряется, оно сразу же умножается: не зря число безработных прямо пропорционально масштабам социального обеспечения.

Если люди принимают рационализм и наполняют его предположительно правильными идеями (допустим, достижимость и нравственная приемлемость эгалитаризма), они начинают подталкивать к этой цели других. Это становится для них моральным долгом. Рационализм сеет позитивизм и потому склонен к насилию. Если свести эмоции к набору числовых параметров и просчитать последствия всех действий, тогда цель оправдывает средства. Если можно измерить чувства, то почему не измерить и нравственные ценности? Если человеческая жизнь имеет объективную ценность, тогда что мешает прийти к логическому заключению, что общество должно убивать пожилых людей? Почему нельзя заставить людей подчиняться обманом – ради их же блага, как кажется власть имущим?

Если рационализм прав, если субъективное можно оценить и превратить в объективное, тогда молодой и талантливый Раскольников имеет полное право убить старуху-процентщицу. Но считается, что только субъект может оценивать свой выбор, будь-то покупка определенного товара или добровольный отказ от жизни.

Рационализм создает угрозу обществу. Тысячелетия экспериментирования породили множество традиций. Хотя общество периодически отказывается от одних традиций и изменяет другие, все равно в каждый момент времени наша жизнь пронизана традициями. Большая часть расширенной этики зависит от обычаев, и баланс между частным и общественным полностью эмпирический. Люди часто не видят рациональных оснований под обычаями, в которых, казалось бы, нет никакой необходимости; между тем такие обычаи развились под воздействием сложных адаптивных механизмов, управляющих человеческими отношениями. Между тем рационализм традиции не доверяет. Хотя рационалист бросает вызов устоявшемуся статус-кво, он не утруждается обосновать свою правоту, переводя бремя доказательства на сторонников статус-кво. Но это невозможно точно так же, как невозможно теоретически обосновать устоявшуюся рыночную цену. И цены, и традиции – это всегда результат бесчисленного множества проб и ошибок. Это поступательный процесс, недоступный прогнозированию. Рационалистические общества лишены нравственности и потому ущербны экономически. Неудивительно, что они так недолговечны.

Государство обязано быть рационалистическим, потому что общество нуждается в некотором числе произвольно определенных мер. Обычно людям не требуется рисковать

жизнью, но если государство решило объявить войну, тогда гражданам придется следовать определенным инструкциям относительно военного времени. Иногда рационализм носит явный характер, например, когда небольшое число профессиональных военных отдает жизнь за большое число сограждан. Иногда это способ реализации отдельной субъективной задачи, например назначение премьер-министра и передача ему преимущественно произвольных исполнительных полномочий. Иногда рационализм возникает при манипуляции общественным мнением, когда субъективное подвергается рационализации: субъективные личные взгляды людей подменяются рационалистическими задачами государства. Например, так происходит, когда государство подстрекает свое население к войне.

Государство – это компромисс не только между свободой и ответственностью, но также между нравственностью и идеологией. Вместо навязывания рационалистических решений государство может просто покупать субъективный выбор. Например, нет необходимости вводить центральное планирование или принудительный труд, чтобы производить оружие: достаточно предложить хорошую цену частным компаниям, и те сами примут субъективное решение производить ракеты вместо чайников. Необязательно сгонять людей в армию силой: достаточно предложить за службу в

армии хорошую зарплату. Если нужно испытать перспективное лекарство на людях, фармацевтическим компаниям необязательно требовать от государства силой обязать нескольких людей рискнуть своей жизнью: достаточно предложить адекватную цену и привлечь добровольцев. Даже центральной экономикой можно управлять без государственного принуждения: можно просто платить людям за исполнение пятилетних планов. Иными словами, платить за исполнение, а не наказывать за неисполнение. Если план окажется успешен, возросшие ВВП и налоговые сборы компенсируют эту плату. Конкурирующие юрисдикции могут покупать лояльность своей политике за предоставляемые ими услуги.

Помимо прямых запретов, этика включает в себя доктрину диспропорционального эффекта: в случаях, когда незначительные усилия приводят к значительному благу, мы обязаны их предпринимать, например, помочь врагу развьючить упавшего осла или дать милостыню. Здесь важно то, что приложенные усилия незначительны в отношении к результату: можно отдать жизнь ради пресечения великого зла или голодать, чтобы спасти чью-то жизнь – в таких случаях ценность результата значительно превышает ценность затраченных усилий. Очевидная несоразмерность усилий и результата – единственная причина, по которой человек обязан противостоять несправедливости или облегчить страдания других. Ликвидация

чудовищного зла подпадает под это условие, а обычная помощь другим странам – нет. Незначительное зло можно терпеть; с умеренным злом лучше бороться, но делать это необязательно; бороться с большим злом обязаны все, поскольку каждое усилие, направленное на борьбу с ним, несоразмерно результату. Обычно у тиранов и серийных убийц немного активных пособников; большинство людей молчит, и тираны этим пользуются. Молчание большинства превращается в согласие, делая большинство невольными пособниками тиранов.

Каждый человек должен самостоятельно решить, приведет его поступок к несоразмерному результату или нет. Людям свойственно ценить друзей и родственников выше, чем других, и потому они направляют на них больше усилий. Часто кажущееся благодеяние приводит к неоднозначным результатам: улучшение медицинского обслуживания в Африке привело к росту населения и усилило зависимость африканских стран от иностранных продуктов питания, медикаментов, субсидий и миротворцев. Позитивные действия в сложных адаптивных системах непредсказуемы, и потому несоразмерное добро нужно совершать только в простейших ситуациях. Давать образование сиротам – это одно, кормить неразвитые народы – совершенно другое. Хотя первоначально концепция диспропорциональных усилий ориентирована на ближних, в крайних случаях ее можно

применять и к посторонним, поскольку все мы являемся частью единой человеческой расы.

Договорное регулирование

Люди часто прибегают к договорам как способу регулирования отношений: это могут быть формальные договоры под какие-то конкретные нужды; неявные договоренности в повседневных делах; базовые этические соглашения, принимаемые обществом негласно.

Не следует выбирать между этическими задачами; более правильно через бездействие принимать естественный порядок вещей. Авраам отказался от Сары и назвал ее своей сестрой, чтобы спасти свою жизнь: никто не обязан отдавать свою жизнь для спасения другого, особенно если успех не гарантирован. Об этом же говорит и Талмуд: «Ты не знаешь, чья кровь краснее». Здесь прямо запрещается убийство ради выживания, например каннибализм во время голода. Если приложить усилия, обычно можно найти менее драматичное решение проблемы. Однако разрешено убивать в целях самообороны, поскольку этим предотвращается неэтичное поведение – нападение.

Формальные соглашения применимы к простым отношениям с предсказуемыми усилиями и результатами. Такие соглашения всегда ограничены во времени и пространстве.

Большинство отношений между людьми основаны на неявном, подразумеваемом договоре. Молодожены ожидают друг от друга верности, сочувствия и материальной взаимопомощи. Обе стороны оценивают предполагаемый груз ответственности: не каждая американская невеста согласится с требованиями жениха из Саудовской Аравии. Пока обе стороны понимают условия соглашения и принимают их без принуждения, договор считается справедливым. Если муж ударил жену один раз, он виноват, но если он бьет ее регулярно, – нет, потому что жена соглашается с этим тем, что живет с ним. Возможно, она так любит его или его деньги, что принимает эти условия. Пока в отношениях нет принуждения, неявный брачный договор считается законным и консенсуальным.

Неявные договоры постоянно пересматриваются и рано или поздно нарушаются, поскольку между сторонами изменяется баланс сил. Сначала влюбленные принимают друг друга такими, какие они есть, но со временем очарование отношений проходит, на первый план выступает эгоизм и многие супруги начинают играть в силовую дипломатию по примеру государств. При этом баланс сил не статичен: отношения находятся в постоянном динамическом равновесии.

Сила – это возможность влиять на интересы других. Поставщики и потребители имеют обоюдную власть друг над другом, и цена обозначает точку баланса этой власти. Сила

постоянно изменяется: взаимные интересы супругов ослабевают, возникают новые обстоятельства. Если жене не удастся поддерживать в муже интерес к себе, она теряет силу и баланс обращается против нее.

В отличие от международной сферы, в отношениях между людьми перенастройка баланса силы происходит не в редких и жестоких войнах, а посредством взаимного сдерживания в частых и низкоуровневых мини-конфликтах. Когда какой-то игрок длительное время не отвечает требованиям ситуации, он сходит со сцены. Нарушение договора – это эксплуатационная стратегия, направленная на продвижение собственных интересов в отсутствие угрозы возмездия. Интерес не обязательно узко материальный, в него могут входить и духовные составляющие: например, человек может нарушить договор, только чтобы доказать свой ум и хитрость.

Обычно формальные договоры не расторгаются при простом изменении интересов. Причин у этого две: во-первых, государство защищает формальные контракты, и нарушителям контрактов сложно заключить новые; во-вторых, большинство людей высоко ценит честность, даже когда от нее нет прямой выгоды. Конечно, все это не исключает нарушение контрактов полностью, но усложняет его. Поскольку процедура банкротства помогает избежать ответственности, государственный контроль исполнения контрактов не является главным фактором в их

исполнении. Честность выполняет субъективную роль в неявных контрактах, когда стороны по-разному понимают их условия, например в браке. В международных соглашениях честность играет второстепенную роль: народ и территорию представляет только одно государство, и другие страны не могут выбрать себе другого партнера для переговоров, как люди выбирают другого брачного спутника. У государств нет повода быть честными. Международные соглашения поддерживаются военными, экономическими и дипломатическими мерами. Хотя ядерное сдерживание снизило угрозу военного обеспечения межгосударственных соглашений, стабильность экономических интересов на эффективных глобальных рынках придает международным отношениям долговечность.

Предельная формализация соглашений увеличивает вероятность их сохранения. Большинство формальных договоров исполняются и так, без вмешательства государства, поскольку людям важно поддерживать репутацию и «не выносить сор из избы». Общество должно вмешиваться только для предотвращения обмана или воровства, когда доказательства вины одной из сторон неопровержимы и достаточны для ее наказания. Роль общества в соблюдении контрактов достаточно свести к полицейскому принуждению исполнения решений арбитражей.

Любой договор всегда включает справедливый обмен активами, в том числе нематериальными, например услуги или свобода. Нарушение договора делает этот обмен несправедливым, поскольку одна сторона получает от другой некомпенсированную выгоду. Общество может принуждать к исполнению контрактов на основании этического постулата «не укради».

Этические запреты убийства и воровства можно понимать расширительно: первое будет включать жестокость в любой форме (в том числе к животным), нанесение травм, а также лишение жизненно важных характеристик (например свободы); второе будет включать нарушение права собственности, будь-то сокрытие найденного имущества или нарушение договора. Решение расширить свои нравственные обязательства человек принимает односторонне и не должен принуждать к этому других. Так, приверженец какой-либо религии не должен принуждать обратиться в нее других, а вегетарианец не должен мешать другим есть мясо. Расширение не оправдывает расторжение даже неявного договора: родители не имеют права отказываться от детей, если вдруг решат стать отшельниками или монахами.

Некоторые расширенные ограничения, такие как брак, коренятся в договорных обязательствах и включают явную компенсацию: неудобство семейной жизни в обмен на

гарантированное обладание партнером. Другим ограничения не предусматривают явной компенсации: человек их принимает в ожидании статистического вознаграждения от общества, а не от непосредственных выгодополучателей. Кто-то может добровольно принять на себя дополнительные нравственные ограничения, выраженные в более широком наборе негативных заповедей: скажем, не только ложно клясться, но и лгать ближним или вообще кому бы то ни было. Расширенные ограничения обычно делают жизнь в общине более комфортной, однако не способствуют развитию человечества, поскольку затрудняют конкуренцию и, соответственно, эволюцию. Чем более закрыта группа, тем более широкие ограничения принимают на себя ее члены.

Анархизм – это отвержение монополии на власть

Существенная монополия – это контроль над объектом, который покупатель вынужден приобрести практически вне зависимости от цены. Конкуренция имеет место, когда аналогичный объект можно получить у другого поставщика. Несущественная монополия – это обладание объектом, который не может быть получен у независимого поставщика, но в его получении и нет критической необходимости.

Свобода подразумевает возможность выбора. Монополия закрывает эту возможность. Следовательно, свобода есть отсутствие существенной монополии. Анархия отвергает не силу как таковую, а только абсолютную, принудительную силу, реализуемую посредством существенной монополии.

Грабитель может предложить своей жертве выбор между жизнью и кошельком только потому, что он закрыл возможность спасения. Так же поступает и государство, когда сводит выбор до двух вариантов – налоги или тюрьма. Государству это удастся только благодаря тому, что оно занимает слишком большую территорию и вступило в неявный сговор с другими странами с целью ограничения эмиграции.

В крайних случаях даже пассивное поведение монополистов наносит ущерб обществу. Например, монопольный поставщик какого-либо товара первой необходимости действует пассивно, если не заставляет потребителей покупать по завышенным ценам, но потребители считают, что им эту цену навязывают. Эксплуатация монополий должна быть запрещена, как все прочие виды невозмещенного ущерба. В стандартной ситуации деление или национализация монополии не оправдана. Более правильно компенсировать нанесенный монополией вред в натуральной или денежной форме.

Государственная юрисдикция является абсолютной монополией. Поскольку государство является институционализированным выражением воли народа, эта монополия становится монополией общества на землю, большую часть которой люди не используют и не планируют использовать. Государства продают часть прав на землю, включая право владения, однако ни одно государство никогда не уступит юрисдикцию на эти участки. Из-за высокомерия и монопольных амбиций государства запрещают частную юрисдикцию на частную землю, даже если ее население живет на ней добровольно и не вредит другим. Если община мирно развивается и не экспортирует марихуану, то она безвредна для окружающих.

Монополия на юрисдикцию не имеет оправдания, как любая монополия. Государство или общество должно иметь в своей юрисдикции только ту территорию, которую оно либо использует непосредственно, либо выделяет для заселения в добровольном порядке. Поскольку даже в цивилизованных странах процент заселенной или обработанной земли крайне невелик, налицо все возможности для реализации новых форм юрисдикции.

Аргумент о том, что государства нелегитимны, поскольку приобрели землю нечестным способом, несущественен, так как монополия нелегитимна в любом случае, даже если она

заплатила за землю по всем правилам. Почти бесконечная цепочка правильных действий (покупки небольших участков) приводят к неправильному результату (монополия на огромной территории).

Договорная теория суверенитета гласит, что люди создают государство путем свободного волеизъявления. Однако со временем возникает политическая монополия, которая лишает потомков пионеров-основателей всякого права выбора. Никто не вправе поработать другого человека без его согласия, даже если это ребенок. Один из минусов демократии в том, что она навязывает взрослым гражданам готовое решение. Ушедшее поколение не должно навязывать государство будущим поколениям. Каждый человек должен самостоятельно решить, что ему ближе: государство или децентрализованное поселение. Свобода выбора юрисдикции важнее свободы выбора товаров, однако государство поощряет экономическую конкуренцию, но запрещает конкуренцию юрисдикций и гражданств. Между тем свобода выбора гражданства обеспечивается тем же способом, что и любая другая свобода, – за счет конкуренции между относительно небольшими поставщиками (мини-государства), которые постоянно изменяют ассортимент своей продукции (законодательство и территория). Если объединить юрисдикцию и «расширенное право на владение землей», возникнет подвижный рынок гражданства: государства будут появляться и

исчезать, расширяться и сокращаться в зависимости от спроса граждан-потребителей на свой главный продукт – паспорт.

Децентрализованная юрисдикция способствует миру среди групп, которым в обычных условиях приходится постоянно враждовать. Например, евреи имеют право жить в своей стране, чтобы обеспечить этническую однородность и полноценно следовать своей религии. Следовательно, они запрещают селиться в своей стране арабам. Но точно так же и антисемиты в других странах имеют полное право запретить въезд евреям. Сегодня такое требование осуждается, хотя оно мало чем отличается от предыдущего. Если ввести гибкие юрисдикции, любая группа сможет приобрести землю и жить на ней так, как сочтет нужным. Израильтяне будут наслаждаться жизнью без арабов, а антисемиты получают право утвердить господство белой расы, прогнав евреев и негров. Одни сообщества введут коммунизм, полностью отгородившись от внешнего мира или ограничившись торговлей с ним, другие перейдут к нерегулируемой рыночной экономике. Навязывать политический строй точно так же неправильно, как религию.

Запрет возмездного ущерба означает, что никто не имеет право навязывать свои взгляды другим. Для этого необходим консенсус вместо демократии, единая система ценностей вместо плюрализма. Общество имеет право снизить ценности до минимально возможного уровня, как в светских

демократиях, только какой в этом смысл? Мини-юрисдикции позволят каждой группе следовать своим идеалам, не навязывая их нежелающим их принять.

Замена мегастран на сеть сообществ вовсе не означает возврат к феодализму. История движется не по кругу, а по спирали. В отличие от феодализма, анархистские сообщества будут экономически связаны друг с другом. Между ними будет свобода передвижения, будут действовать общие законы, межгосударственные (межобщинные) суды, правоохранительные агентства. Все это укрепит экономические отношения. Хотя в разных сообществах внутренние дела будут решаться по-разному, особенности судопроизводства не будут отличаться слишком сильно, ведь в таком случае замедлится и приток новых жителей, и экономическая кооперация. Сугубо внутренние вопросы (борьба с наркотиками, градостроительство и др.) могут отличаться более существенно, не влияя на приток туристов.

Какой смысл в децентрализации государственной власти, если спонтанная кооперация между сообществами на юридическом уровне приведет к почти той же ситуации, что имеет место сейчас? Во-первых, сегодня значительная часть законов либо необоснованы, либо служат интересам определенных групп. В сообществах этого не произойдет, поскольку конкуренция вынудит их постоянно

совершенствовать законодательство. Во-вторых, дело не в том, что централизованная система порождает плохие законы, а в том, что парламенты эти законы навязывают. Сообщества могут принимать точно такие же законы, как сегодня, но они будут результатом свободного выбора. У мини-юрисдикций может быть компактное законодательство; у крошечных государств наподобие Лихтенштейна или Монако очень немного законов. Законы часто служат определенным интересам; небольшие общины будут не так сильно подвержены лоббированию, в них будет лучше поставлен контроль над законодательной системой. В консенсуальных изоморфных обществах законы лучше отвечают потребностям людей: они не позволяют одним группам наживаться на других, законодательные злоупотребления сведены к минимуму. В небольших юрисдикциях не так высок накал политических страстей. Поскольку государственные должности в мини-юрисдикциях не сулят прибыли и славы, они не так привлекательны. Владельцы частных сообществ преследуют только одну цель – прибыль – и не будут вводить ненужные законы, служащие специфическим интересам различных групп.

В мини-юрисдикциях важен как размер, так и количество. Большинство стран разрешает своим гражданам переехать в любую другую страну, готовую их принять. Свобода существует и в трудовых отношениях: каждый рабочий волен выбрать

любого из миллионов работодателей. Однако существует всего двести стран, каждая из которых представляет собой типичную монополию: переезд слишком дорог, земля в городах заселена полностью, рынок гражданства блокирует новые государственные образования, которые могут возникать только через войну, а не мирными переговорами, характерными для немонополизированных трудовых отношений. Когда людям некуда идти, нет ни права выхода, ни свободы от принуждения.

Группа живых организмов является сложной адаптивной системой (САС). Главным образом именно по этой причине люди так отличаются от животных. Попытки найти качественное различие между людьми и животными не увенчались успехом: у животных есть умственные способности, эмоции, право собственности, желание улучшить свою жизнь, свобода выбора, они умеют создавать простейшие инструменты – словом, все то, что раньше считалось уделом исключительно человека. САС создают большие синергетические эффекты, превращая количественные различия в качественные. Относительно небольшое преимущество человека в интеллекте позволяет ему значительно опережать животных в развитии только потому, что он пользуется механизмом САС. Соответственно, сбои в этом механизме являются главным препятствием в развитии человеческого общества.

Монополии приносят в сложную адаптивную систему общества неэффективность и систематичность, которыми легко пользуются инсайдеры и бюрократы. Монополии – это всегда источник принуждения и силы. Монополия сохраняется только силой. Анархия отвергает существенные монополии.

Без монополии на трудоустройство отдельный завод в далеком городке не мог бы фиксировать зарплату. Без монополии на рабочую силу профсоюзы не могли бы шантажировать работодателей. Без монополии на юрисдикцию государства не могли бы заставлять людей подчиняться законам. Без монополии на силу государства не могли бы взимать налоги. Без монополии на этику государства не смогли бы отменить нравственную ответственность за убийства, что позволяет им вести войны. Без международных налоговых картелей, монополизировавших налогообложение через межгосударственные соглашения, государства конкурировали бы за деньги людей, устанавливая разумную плату за оказанные услуги, а не отбирая последнюю рубашку.

Монополия на землю регулируется с помощью механизма сервитута: землевладелец обязан обеспечить проход по ней. Доступ к уникальным – и в силу этого монопольным – природным объектам также должен быть открыт для общественности. Конечно, проход по частным газонам должен быть запрещен.

Проблема экологического загрязнения и общественного здоровья может рассматриваться как случай монополии. Можно пресечь *конкретный* вид загрязнения, но не сформулировать все виды. Даже в анархистском обществе загрязнение позволительно регулировать. Поскольку у всех людей разный подход к экологическим проблемам, каждое сообщество установит свои экологические нормы. Если одно сообщество наносит экологический вред другому, они должны решить проблему сообща.

Земельная монополия существует в феодализме, при котором фермерам практически невозможно приобрести землю. Другой случай монополии: в чьей-либо собственности оказывается так много земли, что миграция становится слишком дорогой. Глобализация и достижения в транспорте положили конец старым монополиям, дав людям недорогой способ смены местожительства. В современных эффективных экономиках почти все монополии так или иначе созданы государственными регулирующими органами.

В национальных государствах земельные монополии создаются путем оккупации достаточно большой территории, чтобы сделать переезд слишком дорогим, и запрета создавать собственные юрисдикции всем желающим. Сложно возражать против собственности на землю как таковой, ведь она необходима для создания мини-юрисдикций.

Как быть, если рынок в целом эффективен, а конкретный человек – нет? Общество может позаботиться о таких людях: помогать тем, кто живет за уровнем бедности; запрещать злоупотребления в их отношении; запрещать работодателям выдвигать такие условия, с которыми не согласились бы эффективные – разумные и информированные – наемные работники. Однако общество не может предъявлять к работодателям и землевладельцам какие-либо иные требования, кроме непричинения людям вреда. Улучшение жизни людей – это сфера интересов всего общества, а не только узкого круга работодателей. Подобные крайние ситуации не оправдывают широкомасштабного регулирования.

Если человек потратил состояние на строительство в пустыне искусственного оазиса, он имеет полное право требовать за его использование вознаграждения. Такой оазис не является монополией, так как любой желающий может построить рядом точно такой же. С одной стороны, владелец оазиса волен назначить любую цену; с другой, умирающий от жажды путник имеет все основания проигнорировать право собственности, если у него нет денег или цена настолько высока, что оправдывает риск для жизни в схватке за воду.

Рассмотрим другой пример монополии – алмазодобывающая компания «Де-бирс». Оправдано ли насилие

по отношению к ней? Нет, поскольку она не угрожает жизни и свободам людей.

Поскольку монополии все-таки существуют, как с ними поступать? Национализация – самый последний вариант. Если ее и проводить, то только с полной компенсацией по рыночной цене. Принудительное отчуждение части собственности – вариант чуть лучше, ведь монополия заведомо продаст свои активы по рыночной цене. Как бы то ни было, сначала общественность должна изучить возможность создания конкуренции с монополией; например, можно пригласить инвестора и гарантировать ему наличие спроса и рабочей силы. В большинстве случаев одной перспективой такого шага будет достаточно для обуздания монопольных злоупотреблений, поскольку в противном случае монополисты рискуют своими инвестициями. В любом случае, глобализация обеспечивает разнообразие поставщиков, и неправительственные монополии не частое явление.

Определение анархизма

Анархистов нельзя считать антигосударственниками; во всяком случае, они возражают против государства не больше, чем против коммун, клубов филателистов и любых других видов организаций с ограничениями, обязанностями и членскими

вносами. Против чего анархисты возражают, так это против государства как инструмента принуждения. К принуждению способно только монополистическое государство; небольшие конкурирующие юрисдикции, как любые конкурирующие образования, к принуждению не способны. Таким образом, анархисты выступают против монополии на юрисдикцию.

Как это мягкое определение анархизма соотносится с традиционным – отвержение любого государства? Второе определение является ошибочным. Большинство теоретиков признают необходимость в сотрудничестве, в том числе формализованном законами. Ни одно общество не может обойтись без институционализованного уголовного кодекса. Государство выступает в качестве формального или неформального устройства, направленного на достижение значимых для общества целей за счет его членов. За исключением небольшого числа непрактичных анархоэгоистов, большинство анархистов соглашались с необходимостью минимальной общественной организации. Они отвергают государство лишь за то, что оно отняло у граждан законодательную власть и ограничило их свободу. В конкурирующих юрисдикциях у граждан может быть эффективная, хотя и косвенная, законодательная власть: они могут голосовать своими деньгами (внося арендную плату) и «ногами» (переезжая в другую юрисдикцию), как потребители

голосуют за товары, выбирая производителей и цены. Потребительская сила очень эффективна. Устранение монополии на юрисдикцию снимает главный аргумент против государств – что они глухи к потребностям людей и подавляют их. Конкурирующие «государства» будут так же внимательны к своим гражданам, как конкурирующие производители – к своим потребителям.

Людам неважно, существует ли власть как независимая реальность или отдельные люди сами хотят, чтобы ими правили. Для любого человека главное, чтобы его ни к чему не принуждали. В этом смысле запрет любой власти в принципе – мера избыточная. О принуждении можно говорить только тогда, когда у человека нет выбора, кроме как принять определенную цену или закон. Когда же есть выбор, принуждение невозможно. Анархизм беспокоит только принудительное ограничение выбора, а не власть как таковая. Анархизм – это отвержение любой монополии, от товарной до юрисдикционной. Для борьбы с монополиями в экономике вводится запрет на слишком большую долю рынка и сговоры, а не вообще на все компании и частную инициативу. Точно так же для борьбы с монополией на гражданство и юрисдикцию совершенно необязательно отказываться от государства. Достаточно разделить самые большие государства, превратив их в относительно небольшие

образования, которые будут независимо друг от друга предлагать гражданам-потребителям свои услуги.

Перемещение из одного мини-государства в другое не представляет большой проблемы в богатых мобильных обществах, граждане которых часто переезжают с места на место в поисках лучшей работы. Компании постоянно снижают цены и улучшают качество товаров, чтобы у потребителей не возникало желания покупать товары конкурентов. Точно так же перспектива лишиться жителей не позволит владельцам сообществ злоупотреблять своим положением.

В промышленности нередко наблюдается картина, когда близкие по профилю компании не способны за счет инноваций дифференцироваться в глазах потребителя, в результате чего наступает концентрация: возрастает полумонопольная прибыль, замедляется снижение цен, уменьшаются расходы на конкуренцию. Точно так же типичные государства, будучи не в состоянии предложить принципиально разные законодательные системы, будут объединяться и концентрироваться. Однако этот процесс не приведет к созданию мегагосударств. Даже на фундаментальном уровне законодательство может принципиально различаться: оно может быть либертарианским, консервативным и т. д. Еще больший потенциал для разнообразия лежит в сфере муниципальных услуг и социального обеспечения. Концентрация компаний не приводит

к злоупотреблениям в долгосрочной перспективе, не приведет к ним и концентрация юрисдикций: любая попытка неоправданно завысить прибыль, любая слабость в организации дела породит множество конкурентов, которые создадут новые юрисдикции и начнут конкурировать с концентрированными странами, потерявшими свою первоначальную привлекательность для потребителей-граждан.

Полное отсутствие государств – это непрактично. Люди не эгоисты, они часто следуют социальной этике, даже когда ее нормы противоречат непосредственным личным интересам. Любой человек понимает, что для выживания ему требуется защита более сильного, чем он сам, образования, которое при необходимости будет противостоять – в том числе силой – большому числу его врагов. Иными словами, речь идет о группе. Поддержка группы – это эволюционный инстинкт, рациональная модель поведения. Так как человек нуждается в помощи своей группы только в крайних случаях, он готов тратить для группы лишь небольшую часть своих ресурсов (времени или денег). Такое поведение согласуется с доктриной о несоразмерном эффекте: хотя обычно член группы вкладывает в нее немного, в случае физической или идеологической угрозы для группы он готов отдать за нее жизнь. Идеология имеет решающее значение для связей между людьми и их выживании как группы. Обычай платить десятину показывает, что многие люди охотно отдают

обществу около десяти процентов своих средств. Если люди уступают группе часть своего времени, денег и сил, они вправе создать государство как формальное выражение этой группы. Если понимать государство в этом узком смысле, оно преследует главные цели группы, важные для ее членов. Если люди согласны с запретами убийства и воровства и требованием платить милостыню, тогда государство может взять на себя исполнение этих функций, в том числе в расширенном смысле (оборона, надзор за исполнением контрактов и т. д.) – но не более.

Другой край политического спектра – тоталитаризм – никогда не отвергает всю свободу полностью, но оставляет людям небольшую сферу частной жизни. Точно так же и анархии необязательно отвергать любое регулирование.

Монополия политической ориентации

Государство должно защищать жизнь, свободу и имущество. Как заметил еще Джон Локк, государственный протекционизм в отношении какой-либо одной религии превращает в бунтарей законопослушных граждан, возмущенных вмешательством в свою личную жизнь.

Государственная политика чем-то напоминает веру. Подобно вере, политика предлагает товар, основанный на

доверии к поставщику. Ценность такого товара граждане-потребители не в состоянии ни измерить, ни оценить. По этой причине им приходится просто верить государству, как прихожане верят церквям и другим религиозным учреждениям, предлагающим спасение. И в религии, и в политике потребитель неспособен оценить все возможности и варианты и потому вынужден полагаться на веру. Многие современные государства не разрешают увязывать законы с религией, но при этом сами же оперируют законами, основанными на вере в собственную идеологию. Это так и в социализме, и в социальном государстве, и в моральном либо экономическом консерватизме, и вообще в любом типе общественного устройства.

Та же логика, что удалила из общественной сферы религию, должна быть применена и к политической догме. Центральное правительство должно защищать жизнь, свободу и имущество, а отдельные общины вольны по собственному усмотрению регулировать имущественные отношения и прочие внутренние дела. Конечно, большинство общин предпочтут единообразные законы, позволяющие вести дела с внешним миром, но к возможным отступлениям от нормы, в том числе идеологическим, нужно относиться терпимо. Может показаться, что это напоминает федерализм, но это не так. Субъекты федерации довольно велики, включают территории с неоднородным населением, и точки зрения людей в них

усредняются до такой степени, что в итоге законы федеральных регионов почти не отличаются друг от друга. Более того, регионы сильно зависят от центрального правительства, которое отвечает за перераспределение, и потому всегда послушны.

Анархизм – это не политическая ориентация, а отсутствие монополии на политическую ориентацию. Все, что делает анархизм, он делает для утверждения свободы. Этот подход отличает анархизм от других векторов политической мысли, направленных на другие приоритеты: сильное государство, социальная справедливость, религиозность населения и др. Но разве правильно подавлять настоящие или мнимые свободы некоторых людей во имя свободы всех? Именно это делают анархисты как слева, так и справа. Левые анархисты отвергают право собственности (иногда только на средства производства). Но вся история человечества полна примеров, когда люди были готовы сражаться, убивать и умирать за собственность. Правые постулируют такую систему, которая хотя и свободна от произвольных ограничений, создает то, что с точки зрения социалистов является монополией на трудоустройство и кредит. Так это или нет, не столь важно. Важнее то, что некоторые люди считают это монополией и в условиях свободного рынка не смогут чувствовать себя свободными. И ультраправые, и ультралевые отвергают любую силу, в том числе суды и

уголовный кодекс, – следовательно, нарушаются права слабых и незащищенных.

Из всего этого вытекает, что ни одна политическая система не способна сделать свободными всех своих граждан. Следовательно, анархизм и не должен продвигать только какую-то одну модель свободы. Более правильно дать людям такую регулятивную систему, в которой почти все смогут реализовать свою свободу, не покушаясь на свободу других.

Такое определение анархизма равносильно отрицанию монополии на политические взгляды, когда почти все могут жить так, как считают нужным. В этом смысле анархизм является отрицанием государственной монополии на юрисдикцию. Пока каждая община самостоятельно регулирует свои внутренние дела без вмешательства извне, будь-то со стороны коммунистов или капиталистов, анархистский идеал соблюден.

Рыночный капитализм не монополия

Социалисты часто утверждают, что капитализм устанавливает монополию меньшинства на средства производства, что позволяет этому меньшинству вымогать у рабочих добавленную стоимость. Эта точка зрения была некритично заимствована у европейских авторов девятнадцатого

века, когда земля была единственным значимым средством производства. Уже американские колонисты рассматривали пахотную землю как неограниченный ресурс, созданный трудом.

Монополия – это существенный контроль над всеми рассматриваемыми ресурсами. Но средства производства, – как оборудование, так и капитал, – создаются постоянно. Никакой закон или сговор не мешает рабочим приобрести эти средства и разрушить якобы существующую монополию. Многие рабочие действительно владеют заводами посредством участия в акционерном капитале. Пусть каждый рабочий владеет всего несколькими акциями, но профсоюзы объединяют эти акции в гигантские фонды, превращая отдельных рабочих в мощную силу. Если бы рабочие хотели управлять теми заводами, которыми владеют, они бы создали тресты для управления акционерным капиталом.

Равно необоснованным является и другое утверждение: что в низкотехнологичных отраслях экономики больше компаний, находящихся в собственности рабочих, так как в них ниже потребность в капиталовложениях. Причина в том, что такие отрасли проще, почти не требуют организационных навыков, их менеджеры могут работать неполный рабочий день. Управляемые работниками предприятия сферы обслуживания часто содержат дорогое оборудование: при желании, рабочие находят возможность существенных инвестиций. С другой

стороны, даже в таких безинвестиционных сферах как разработка программного обеспечения, когда несколько человек могут создать продукт вообще без вложений (не считая стоимость жизни), – даже там сотрудники предпочитают получать зарплату, а не владеть бизнесом самостоятельно.

Для создания одного заводского рабочего места требуется около ста тысяч долларов. В развитых обществах такая сумма доступна довольно многим людям, особенно с учетом кредита под залог жилья. Однако даже при этом большинство людей предпочитает наемный труд предпринимательству.

Утверждение социалистов, что рабочие не в состоянии приобрести средства производства, ошибочно. *Рабочий* по определению не владеет оборудованием. Впрочем, многие *бывшие* рабочие приобрели оборудование в собственность и открыли собственное дело.

Несложно понять, почему люди так охотно отдают часть произведенной ими добавленной стоимости в обмен на надежную зарплату. В богатых странах люди спокойно оплачивают услуги государства, корпоративных инвесторов и менеджеров. Почему? Взамен люди получают гарантированные зарплаты и социальные льготы. По существу, эти зарплаты и льготы представляют собой услуги. Нельзя утверждать, что они неправильны или негуманны сами по себе; скорее, они переоценены. Если человек откажется платить за эти услуги, ему

придется напрямую войти в процесс управления делами государства или предприятия – задача настолько же умственно сложная, насколько финансово рискованная. Социалисты имеют полное право объяснять людям неэффективность таких платежей, призывать граждан и работников отказаться от услуг государств и корпораций и начать самостоятельно контролировать их, соответственно через выборы или собрания акционеров. Но нельзя силой навязывать людям этот выбор путем свержения капиталистической демократии. Это неправильно так же, как любое принуждение.

Довольно странно, что социалисты хотят ограничить рыночную конкуренцию, абсолютно необходимую для свободы. Скорее всего, их логика отражает несовместимость узкого рационализма со сложными адаптивными системами: капитализм приносится в жертву плановой экономике.

Чтобы ограничить конкуренцию, требуется ввести чрезвычайно громоздкую бюрократическую машину с произвольным лицензированием и центральным планированием. Государство с такими институтами не сможет предложить своим гражданам ни свободу, ни инновационные товары по конкурентным – стало быть, низким, – ценам.

Пограничные эффекты

Теоретически, в любом обществе может возникнуть ситуация, при которой в целом правильные законы допускают вопиющую несправедливость. Это популярный сюжет многих литературных произведений. Теорема Геделя математически доказала существование неразрешимых проблем в любой системе аксиом. Ни одно политическое устройство не сможет найти решение любой мыслимой проблемы.

Любая теория спотыкается о границу области данных. Евклидова геометрия оказалась неприменимой к космосу, а ньютоновская физика – к миру субатомных частиц. В идеале новая теория объяснит явления, лежащие за пределами ранее известных данных. Однако и в естественных науках, и в политической философии прекрасно известно, что теории перестают работать при приближении к границам рассматриваемой ситуации. Поскольку либерализм работает только в нормативных ситуациях, в крайних случаях может допускаться отклонение от идеала. Существование пограничных ситуаций не оправдывает регулирование нормативных ситуаций.

Пограничные эффекты больше склонны изживать сами себя, чем закрепляться. Механизмы свободного рынка быстро устраняют пограничные эффекты, не вызывая необходимости в регулировании. Самый эффективный подход – просто не трогать рынок, дабы не нарушить свободу людей распоряжаться

собственностью. Поскольку эффективный рынок может самостоятельно устранять перекосы, нужно просто развивать рыночные отношения и не обращать внимания на отдельные отклонения. Минимизация регулирования и неприкосновенность имущества важнее, чем абсолютная справедливость, недостижимая в любом случае. Нет идеальной политики, зато общество свободного рынка утверждает отсутствие насильственной политики как таковой. Коррупция и олигархия – это политики, и их нужно либо искоренить и заменить свободным рынком, либо, что более реалистично, заменить менее эксплуатационным и более прозрачным регулированием.

Крайняя неэффективность некоторых людей, очевидно неспособных к рациональному мышлению и защите личных интересов, – это типичный пограничный случай, и он оправдывает покровительствующее регулирование.

Неэффективные рынки допускают эксплуатацию рабочих, закрытые экономики – злоупотребление правами потребителей, государственное регулирование выгодно олигархии, и т. д. Оптимальная теория всегда учитывает пограничные эффекты; рекомендует оптимальное поведение как для нормативных, так и для пограничных ситуаций; стремится устранить источник неэффективности. Это означает устранение монополий на трудоустройство (улучшение мобильности рабочих), поставку

товаров (снижение пошлин) и предпринимательства (отказ от регулятивных монополий).

Может показаться, что массовая безработица оправдывает регулирование минимальной заработной платы и условий труда, однако важно понимать: то, что казалось разумным в девятнадцатом веке, может совершенно потерять актуальность в веке двадцать первом с его крайне низким уровнем безработицы, эффективным рынком и постоянно растущей мобильностью населения. Между тем социалисты предпочитают устранять последствия проблемы, а не ее причину. Им больше нравится регулировать поведение работодателей и производителей. Но регулирование отвлекает внимание от причин проблемы и лишь еще больше усложняет ее, вводя новые источники неэффективности. Представьте, что было бы, если бы современным социалистам удалось изменить промышленные отношения девятнадцатого века. Вместо грязных заводов рабочие получили бы чистые, здоровые рабочие места. Зарплаты начали бы увеличиваться, а рабочий день сокращаться. Но в результате всего этого резко сократилась бы прибыль и инвестиционные ресурсы, что затормозило бы создание рабочих мест и продлило переизбыток рабочей силы. Ирония ситуации в том, что благополучие рабочих завтрашнего дня зависит от того, насколько капиталистам дня сегодняшнего удается аккумулировать и реинвестировать прибыль.

В посткоммунистических обществах неэффективность рынка и регулирование зарплат приводят к искусственному завышению зарплат, что тормозит производство и ограничивает занятость. Будучи не вправе устроиться на работу за более низкую плату, рабочие вынуждены соглашаться с различными формами злоупотреблений, таких как отсутствие пенсионных платежей, задержки зарплаты, зарплата товаром. Сами работодатели при этом получают взятки и откаты. Регулируемая система неспособна изменить природу рыночных сил, движимых личным интересом, – зато она перемещает их в тень, где они принимают самые уродливые формы.

Часто пограничные эффекты не так плохи, как кажутся. Великая депрессия оставила многих без работы, зато резко подешевели продукты питания, что минимизировало угрозу для жизни людей. В восемнадцатом и девятнадцатом веках в города хлынули массы обнищавших жителей деревень, потерявших работу в результате сельскохозяйственной революции. У наблюдателей это вызвало впечатление резкого обнищания населения, тогда как на самом деле в качестве рабочих они стали жить лучше, чем раньше. Факт в том, что первые капиталисты часто жаловались на неявку рабочих: за несколько дней они могли заработать достаточно, чтобы какое-то время жить, не работая. Имела место и другая тенденция: с одной стороны, население быстро увеличивалось в результате улучшения

медицинских услуг и доступности продуктов питания; с другой стороны, прирост капитала и модернизация рабочих мест происходили медленно. В результате многим людям было сложно найти работу.

Пограничные эффекты действительно могут порождать несправедливость, из-за которой возникают социалистические и другие революционные движения. Такая несправедливость может быть очевидной, но не обязательно объективной. Например, может показаться, что рабочие имеют право на бóльшую часть добавленной стоимости, а их работодатели, напротив, получают слишком много. Но почему тогда банкиры предоставляют фабрикантам кредиты на таких выгодных условиях, что последние зарабатывают состояние? Допустим, рабочие просто не умеют договариваться, однако мало кто оспаривает профессионализм банкиров. Банки и их вкладчики вполне могли бы самостоятельно и строить заводы, и нанимать для них менеджеров. Между тем банки всегда предпочитали ссуживать капитал сторонним предпринимателям, что еще раз подчеркивает обоснованность прибыли последних. Либеральная теория гласит, что доход отражает ценность той или иной профессии для общества. В доиндустриальных экономиках рабочих было слишком много, а предпринимателей – слишком мало, и потому доходы последних были очень высокими. Возможно, с этим аргументом можно поспорить, но каковы

альтернативы? Только произвольные меры, отражающие взгляды тех или иных теоретиков на то, какую зарплату считать справедливой. Главная проблема здесь не столько в произвольности как таковой, сколько в необходимости соглашаться с ней из чисто идеологических соображений.

Еще один существенный пограничный случай – экономическая колонизация неразвитых стран. Обычно прямые иностранные инвестиции выгодны для новых экономик, поскольку сообщают им трудовую культуру, технологии и капитал. Однако часто бывает так, что инвестиции эксплуатируют слабости местного рынка: хищническую приватизацию, господство банков и страховых компаний, реклама кредитов для покупки товаров не первой необходимости. Обычно протекционизм слишком дорог и неэффективен, но вполне оправдано вводить и постепенно снижать защиту важных зарождающихся секторов экономики.

Вредные пограничные эффекты нейтрализуются без специального регулирования, если они возникают в период трансформации общества и перераспределением собственности. Если продавать с аукционов аристократические угодья и инвестировать в преобразование безземельных крестьян в рабочих, это помогло бы перейти от феодализма к индустриальному капитализму. В постсоциалистических экономиках доходы от приватизации могли бы покрыть

утраченные вклады в государственных банках и пенсии. Бывшим колониям достаточно рационально использовать природные ресурсы и землю.

Правило взаимности подразумевает, что свобода одних владеть большим количеством пищи должна быть подчинена свободе других не умереть от голода во время засухи. Когда человек берет чужую пищу, чтобы не умереть с голоду, это не должно считаться нарушением прав собственности. Когда появится возможность, он должен оплатить или отработать свой долг, но наказывать его нельзя, так как свобода жить важнее свободы иметь имущество. Определяющим критерием в данном случае является жизненная необходимость: если африканские страны покупают оружие и строят дворцы, они не вправе просить освобождения от ответственности за подделку лекарств от СПИДа.

Принуждение владельцев должно быть минимальным, их имущество нужно не просто изымать, а покупать. В трудных ситуациях люди редко минимизируют подавление второстепенных свобод; голодным проще взбунтоваться, чем сесть и выработать рациональные и этичные договоренности с владельцами еды. Взаимоотношения между людьми основаны на балансе сил различных экономических, политических и академических интересов, но страх ответных мер ограничивает использование физической силы. Впрочем, сильная бедность

преодолевают страх, и бедные все больше ополчаются на богатых.

Общество должно вмешиваться только при наличии явной опасности. Социальные преобразования ради развития общества, что бы под ним ни понималось, – это всегда первый шаг к социализму и регулируемой экономике. Общество всегда начинается со спасения голодающих и контроля цен на продукты питания и заканчивается содержанием профессиональных безработных. Пограничные ситуации по определению редки: например, это может быть сильная засуха. В такой крайней ситуации поддержка голодающих оправдана, но страна не может субсидировать еду вечно только потому, что в ней не развито сельское хозяйство. Обычно социалисты оправдывают тотальное регулирование именно пограничными ситуациями. Это известный схоластический метод, когда значения терминов специально расширяются для получения парадоксальных утверждений. Например, рабство считается противоположностью свободы: тогда социалисты создают стереотип «рабство капитала», чтобы показать, что рынок противоположен свободе. Во время голода владельцы запасов продуктов питания эксплуатируют людей, и социалисты отождествляют их с любыми предпринимателями, дабы показать, что частная собственность – способ эксплуатации.

Убийство животных ради пропитания – еще один пример пограничной ситуации, когда человек вынужден отнимать жизнь у меньших созданий. Библия основывает право убийства на праве владения: те несколько видов животных, которых она разрешает употреблять в пищу, обычно считаются домашними. Получается, что люди сначала дали им жизнь, а затем забрали ее. Библия подчеркивает компромисс, вводя различные ограничения и ритуалы, регулирующие убийство животных ради пропитания. Главным критерием является фактор необходимости: например, при разведении кошек нельзя произвольно убивать котят, а забойщик скота не должен без необходимости причинять животным страдания. Если даже людям иногда приходится страдать и умирать для других, то тем более оправдано убивать животных, будь-то ради еды или медицинских экспериментов, от которых зависит жизнь людей.

Развитие сложных адаптивных систем основано на эволюции несовершенных решений: множество людей принимает множество решений, основываясь каждый на ограниченной информации и неидеальном анализе, и только лучшие из этих решений постепенно становятся общепринятыми. Для эффективной эволюции несовершенных решений рынок нуждается в большом количестве одинаковых объектов. Большинство таких решений неудачны, часто они пагубны для активов, к которым их применяют. В случае

уникальных активов, сохранение которых является безусловной необходимостью (например река), даже небольшая вероятность разрушения неприемлема, и общество должно регулировать их использование. Хотя с коммерческой точки зрения это невыгодно, в данном случае сохранение важнее выгоды.

Точно так же, когда монополизирована *большая* часть какого-либо актива (скажем, серебра), другие игроки не могут получить к нему доступ. В результате свободное экспериментирование путем несовершенных решений становится невозможным, изменяется цена и распределение ресурсов, и возникает необходимость в регулировании для предотвращения злоупотреблений. Однако подобные монополии крайне редки: большинство собственников не загрязняет свои реки, ландшафты редко бывают уникальными, а монополия на один ресурс приводит к появлению других, альтернативных ресурсов. Монополия – это пограничная ситуация, при которой рынок перестает функционировать. Обычно это происходит в результате вмешательства государства в рыночные механизмы, что резко снижает эффективность экономики и приводит к появлению монополий. Владение уникальными товарами, такими как исключительно красивые озера или предметы искусства, является естественной монополией и в некоторых случаях оправдывает регулирование с целью сохранения. С другой стороны, государственные монополии нужно не

регулировать, а ликвидировать. Между различными пограничными ситуациями нет четкой границы. Часто примитивные общества более терпимы к убийству, чем богатые. Во время голода люди склонны бунтовать и требовать пищи, а торгующие продуктами брокеры часто вступают в сговор, что также требует антимонопольного регулирования. Государственное регулирование, перераспределение и субсидии – это все же лучше, чем народное восстание. Богатые страны редко испытывают серьезные экономические трудности, и вводить регулирование для предотвращения крайне маловероятных случаев насилия не имеет смысла.

Пограничный эффект обычно создает конфликт между разными свободами, такими как свобода на жизнь или собственность. Иногда возникают горизонтальные конфликты между одной и той же свободой разных людей: один солдат в роте получает смертельно опасное задание, или трагедия устраняет водораздел между ближними и чужаками, как, например, когда американцы помогли остановить резню в Руанде.

Подход к либерализму с точки зрения предельной полезности

Этика не абсолютна, но должна уравнивать ожидания многих людей. Если свободы одних людей неправомерно

расширить, пострадают свободы других людей. Закон предельной полезности гласит, что за определенной точкой дальнейшее увеличение усилий почти не сказывается на достигаемом эффекте.

Почти всегда одна свобода возможна только за счет другой свободы. В обычных условиях этот конфликт часто незаметен, но в критических ситуациях он резко обнажается. Социалисты используют ситуации типа экономических спадов для рекламы идеи регулирования. Регулирование оправдано в крайних ситуациях, угрожающих жизни или удовлетворению базовых потребностей. Однако сама гипотетическая вероятность появления подобных ситуаций еще не оправдывает введение регулирования. Государства распространяют критерии крайних ситуаций на повседневную жизнь. У обществ есть и другие расходы помимо первоочередных: здравоохранения, полиции и обороны. За определенной чертой забота о жизни одних людей начинает вредить другим – защита жизни становится непозволительно дорогой. Общество не может заботиться обо всех. Нужно защищать своих граждан от убийства и воровства, но не более того.

Чистая либеральная доктрина не признает обязанность помогать другим, однако никакую доктрину нельзя доводить до крайностей. С одной стороны, пытаться помочь всем и каждому

слишком дорого; с другой, помощь самым уязвимым членам общества может быть чрезвычайно эффективной.

Справедливость имеет статистическое измерение. Судам приходится наказывать некоторых невиновных и не наказывать некоторых виновных; найти истину во всех случаях не представляется возможным. Можно пытаться абсолютно точно выполнять все заповеди или наказать всех без исключения виновных, но в результате резко возрастет число ошибочных приговоров. Следовательно, в некоторых случаях обществу приходится смягчить даже запрет убийства, чтобы сохранить другие свободы: свободу от ошибочного обвинения, от тоталитарного контроля (например имплантированная в каждом человеке камеры) и т. д.

Минимальные общественные расходы (например на суды и общественную полицию) увеличивают ВВП за счет предотвращения эксплуатации и увеличения эффективности рынка в результате независимых усилий свободных людей, естественным образом заинтересованных в сохранности жизни и имущества. Когда государство поддерживает самых бедных, тормозится экономический рост; с другой стороны, есть ведь и другие приоритеты. Когда люди преследуют цели группы, они стремятся выиграть конкуренцию у других групп и вынуждены помогать нуждающимся ближним. Минимальное соцобеспечение формирует уверенность в завтрашнем дне и

помогает людям концентрироваться на работе. Ликвидация крайней нищеты способствует в том числе снижению уровня преступности.

Помощь допустима только при наличии явной и прямой опасности, при этом польза от спасения жизни должна существенно превышать затраченные средства. Общество не должно оплачивать улучшение жизни отдельных людей. Случаев настоящей опасности немного, стоимость ее ликвидации минимальна, особенно для богатых стран. Библия предписывает помогать только крайне бедным людям, тогда как сегодня социальные государства субсидируют таких граждан, которые в неразвитых странах считались бы богатыми.

Кроме того, на нас лежит позитивная обязанность помогать врагам в незначительных ситуациях: вспомним библейскую заповедь помочь врагу развьючить упавшего осла. Таким образом мы предельно малой ценой способствуем примирению и снятию враждебности.

Соотношение затрат к пользе от регулирования экспоненциально возрастает пропорционально проценту граждан, получающих социальные льготы. При приближении этой отметки к 100% соотношение зашкаливает и в действие вступает закон снижения предельной полезности. Эти затраты могут быть выражены не только в денежной форме, но и в

форме обладания какой-либо свободой, например свободой от регулирования.

Люди готовы жертвовать частью своей свободы ради соцобеспечения, однако при этом они сопротивляются избыточному вторжению в свою жизнь. После определенной точки люди начинают сопротивляться даже разумным ограничениям.

Либерализм можно определить как политику минимизации регулирования до точки, после которой дальнейшее уменьшение явно вредно для общества с точки зрения соотношения затрат к пользе. Обычно это значит, что государству достаточно: содержать наемную армию и уголовную судебную систему; надзирать за исполнением контрактов (исходя из понимания, что нарушение контракта есть форма воровства); лицензировать частную полицию; обеспечивать минимальную благотворительность. В принудительном налогообложении нет необходимости: почти все люди согласны добровольно платить небольшие взносы на благотворительность. Впрочем, оплату полицейской страховки можно сделать обязательной. Оборонные нужды можно финансировать за счет земельной ренты. Особые регулятивные уложения типа экологических норм или правил дорожного движения можно ввести при условии, что они сведены к разумному минимуму. Кроме того,

они могут функционировать в обществе не как закон, а как обычай.

Где проходит граница предельной полезности? Это далеко не пресловутая «золотая середина». Если за ноль процентов принять общину хиппи, а за сто – общество Оруэлла, то оптимальное регулирование будет находиться где-то в районе десяти. Это значит, что государство контролирует 10% ВВП и собирает благотворительные взносы – обязательный долг каждого гражданина перед обществом и ближними. До этой границы централизованные меры: уголовное правосудие, благотворительность и оборона – полезны для всех членов общества. За этой границей стоимость регулирования уже не оправдывает ее полезность. С другой стороны, золотое сечение охватывало бы приблизительно треть всего ВВП, что вполне созвучно библейским заповедям.

Логика предельной полезности применима и ко многим другим областям. Возьмем, к примеру, образование. В развитых странах 60–80 процентов населения заняты либо в низкотехнологичных отраслях сферы услуг, либо на рутинной промышленной работе, либо относятся к числу «профессиональных безработных». Такие люди не используют знания выше четвертого класса общеобразовательной школы. Почему же общество тратит немалые средства на их полное образование? С постепенным старением населения эта проблема

лишь обостряется. Даже работники высокотехнологичных секторов не используют многие из знаний, полученных в школе.

За счет общества имеет смысл обучать только особо одаренных детей. Сторонники обязательного образования приводят примеры, когда сначала дети получали плохие оценки, но со временем стали учиться лучше. Во-первых, этот аргумент направлен как раз против обязательного образования, поскольку демонстрирует последствия массового набора педагогов. Плохие учителя отбивают у детей желание учиться, а нанять только хороших учителей не представляется возможным. Во-вторых, никто не призывает лишать неспособных детей образования. Их родители могут самостоятельно финансировать их образование за счет грантов или кредитов. Однако общественное финансирование образования таких детей не представляется перспективным. В-третьих, такие случаи в принципе редки. Навскидку, отличниками могут стать не более десяти процентов двоечников, да и число потенциальных гениев среди двоечников вряд ли выше, чем среди отличников. Расширение бесплатного образования до крайних случаев обходится обществу слишком дорого. Ни один разумный человек не стал бы тратить собственные деньги на таких условиях.

Не стоит опасаться, что ограничение бесплатного образования за счет общества породит касты. Фиксированная классовая система канула в лету задолго до начала эпохи

бесплатного обязательного образования. Образование увеличивает социальную мобильность честолюбивых юных дарований. Если ребенок не хочет учиться, его невозможно силой усадить за парту за счет общества, тем более что ограниченные интеллектуальные способности и уровень образования вовсе не препятствуют продвижению по социальной лестнице. Большинство президентов компаний почти не используют в своей работе знания, полученные в школе и университете. Для них университет послужил своего рода клубом, трамплином в новую жизнь, и не имел решающего значения с точки зрения усвоения знаний. Есть даже президенты государств, которые наглядно продемонстрировали, насколько отдаленное отношение к карьере имеют знания.

Некоторые медицинские программы тоже игнорируют закон предельной полезности, когда поддерживают жизнь хронических больных ценой огромных расходов. Эти ограниченные средства могут быть использованы гораздо эффективнее, если использовать их для профилактики заболеваний.

Жизнь человека вовсе не является бесценной даже для него самого. Некоторые люди рискуют жизнью, становясь пожарными или военными. Если страна часто воюет или загрязняет окружающую среду, ценность жизни отдельного гражданина в ней меньше. Хотя обычно ценность жизни

определяется трансцендентными критериями, не стоит сбрасывать со счетов и материальный аспект. Общество в целом проигрывает, когда оплачивает смертельно больным людям самое современное и сверхдорогое лечение. Государственные медицинские расходы на одного человека требуют переоценки. Страховые компании должны предлагать недорогие страховые программы, покрывающие девяносто процентов возможных видов страховых случаев. Если человека нельзя спасти за сто тысяч долларов, общество не должно оплачивать чек в пять миллионов. Люди должны иметь выбор: платить дополнительные страховые взносы за маловероятные страховые случаи или нет. Даже ста тысяч долларов вполне хватит на хорошее лечение, особенно если разрушить монополию на медицинские услуги. Кроме того, всегда есть возможность пройти лечение в другой стране, где стоимость медицинских услуг ниже. Ограничив медицинские расходы, можно и помочь большинству людей, и сэкономить гигантские средства в крайних ситуациях.

Государственные медицинские программы не должны включать только самые лучшие и самые новые методики, которые обычно являются самыми дорогими. Более правильно выбрать хорошо зарекомендовавшие себя методики по умеренной цене. Врачи всегда хотят, чтобы государство тратило на них как можно больше денег, и лоббируют самые дорогие

методики, вместо того чтобы оптимально использовать имеющиеся средства.

Другой пример неоправданных затрат – различные надуманные профилактические меры вроде надписей «горячо» на стаканах для кофе, отзывов автомобилей за несущественные недостатки, строительные кодексы. Абсолютной защиты не существует. Чернобыльская АЭС взорвалась из-за человеческих ошибок, предотвратить которые не смогла бы никакая система безопасности. Что нужно, так это четко определить несколько параметров: приемлемый уровень серьезных инцидентов в результате использования товара; допустимый уровень небрежности при производстве (сложные товары невозможно полностью протестировать и защитить от несанкционированного использования); денежный эквивалент ценности жизни; цену, которую общество готово платить за спасение жизни граждан, исходя из возможностей бюджета. Если говорить о рынке в целом, то здесь оптимальным подходом является обязательное страхование ответственности для всех товаров: производители будут просто не заинтересованы выпускать опасные товары, подлежащие высокому страховому покрытию. Фирмы будут сами доводить до общественности факты о недостатках товаров своих конкурентов, что сделает рынок более честным и приучит потребителей уравнивать цену с безопасностью. При этом все будут понимать, что абсолютная безопасность недостижима.

Вероятность появления репрессивных анархистских поселений

Свобода нужна не каждому. Социалисты предпочитают ограниченную свободу с государственными гарантиями. Многие люди ценят верность или порядок больше свободы. Многие предпочитают всему остальному комфорт некритического восприятия государственной и корпоративной пропаганды. Во время гражданской войны в Испании анархисты были меньшинством, а за границей о них почти не знали. Нужно создать общины свободных и любознательных людей, которые во многих отношениях станут образцовыми, привлекут интеллектуальную и предпринимательскую элиту, но не стоит мешать инертному большинству отказываться от тех или иных свобод. Это их право – при условии терпимости к инакомыслию.

Такое отношение к жизни типично для бедных людей с ограниченной свободой, которые не могут реализовать себя в профессиональной сфере. Общинные связи и групповая ненависть помогают им повысить самооценку. Для нищих в криминогенной среде безопасность тоталитаризма предпочтительнее безграничной свободы.

Люди ценят свободу в условиях достатка, потому что обратная сторона свободы – ответственность – проще

реализуется в богатом обществе. Однако в критических обстоятельствах, будь-то экономический кризис или война, люди склонны отказываться от ответственности. Эта ответственность необязательно переводится на других людей (правителей или полководцев), она может просто отбрасываться ввиду обстоятельств. Солдаты представляют врага как жаждущего их крови и потому исполняются гневом, подавляют критическое мышление, отвергают ценность жизни и стараются всеми силами убить противника. Если враг вдруг выйдет из окопов с цветами и шариками вместо автоматов (демонстрируя таким образом дружелюбие, ожидаемое только от ближних), никакая идеологическая обработка не сможет заставить убить их. Однако стоит кому-то одному выстрелить по мирной толпе, как тут же к нему присоединяются остальные: когда другие принимают решения за тебя, ты можешь действовать просто как часть группы. Многие люди подсознательно не хотят нести ответственность за других, перенося этот позитивизм на государство.

Свобода – это предмет роскоши. Можно также сказать, что это роскошный способ повышать самооценку и получать удовлетворение от жизни. Самым простым способом достижения этих целей является хлеб, на втором месте идет общинность. Чтобы уважать себя как индивидуума, а не часть

общества, человек должен считать себя обеспеченным, пусть при этом он и живет в бочке.

В богатых экономиках многие люди согласны получать услуги от государства по завышенной цене, полагая, что это делает их более надежными. Эта позиция вполне законная, хотя и странная. Если однажды искусственный интеллект сделает товары бесплатными, эта точка зрения получит еще большее распространение. Зависимость от государства развивается в ограничение свобод, поскольку регулирование и обложение всевозможными повинностями – суть бюрократического государства.

Изобилие снижает зависимость людей от общинной страховочной сетки, продвигая индивидуализм. Государства обращают эту тенденцию вспять, увеличивая различные льготы и распределяя их широким слоем, покупая лояльность людей за их же деньги или за деньги других социальных слоев. Перераспределение не укрепляет общество, но лишь создает вертикальную зависимость людей от государства. Граждане социальных государств уже не урезают свою свободу ради блага ближних, а фактически продают ее властям. Большинство людей соглашаются с ограничением своих свобод в обмен на компенсацию.

Но не значит ли это, что людям не нужна анархия? Отнюдь, потому что анархия усиливает конкуренцию между

юрисдикциями. Сегодня государства-монополисты находятся в сговоре, чтобы дипломатическими мерами обеспечить себе гегемонию. При анархии множество мелких юрисдикций конкурируют друг с другом, предоставляя своим гражданам свободу выбора. Все, что просят анархисты, это покончить с монополией на юрисдикцию. Демонополизация выгодна потребителям, поскольку ведет к падению цен и росту качества товаров и услуг. То же касается и монополии на юрисдикцию, причем для жителей всех сообществ, от либеральных до социалистических. Анархизм не диктует людям, как жить, но позволяет всем жить так, как они хотят, создавая сообщества с любым политическим строем. Анархизм позволяет людям жить и работать без принуждения, но и сам не принуждает их к этому. Более того, он не позволяет одним людям принуждать других к определенному виду свободы.

Многие люди предпочитают, чтобы за них думало государство, пусть даже ценой снижения эффективности. Естественная любовь к свободе уравнивает эту склонность. Люди протестуют против государственного регулирования не тогда, когда оно неэффективно – оно неэффективно всегда, – но когда оно начинает серьезно покушаться на их свободу выбора.

Коснемся проблемы определения свободы. Когда человек подписывает трудовой договор, он добровольно обязуется работать на своего работодателя, лишаясь существенной части

личного времени. Трудовой контракт можно определить как временное рабство, либо само рабство определить как пограничный случай трудового контракта. Хотя абсолютной свободы не существует, любое установление можно считать свободным, если в нем нет принуждения. Поскольку большинству людей приходится работать, чтобы иметь пропитание, решение работать не полностью свободно, зато свободным является выбор конкретного работодателя. Точно так же люди свободно выбирают президента страны, но не имеют права решать, хотят они в принципе, чтобы ими правили, или нет.

Первоначально республики были небольшими городами-государствами наподобие тех самых мини-юрисдикций, за которые ратуют анархисты. Платон был совершенно прав, когда называл активную демократию лучшей формой управления такими государствами. Появление крупных национальных государств лишило республиканскую идею ее первоначального смысла. Демократия превратилась в выхолощенный символ: граждане национальных государств просто не способны отслеживать множество действий своих правительств, чтобы подвергать их какой-то оценке, не говоря уже о претворении этих оценок в жизнь. Балом правят узкие заинтересованные группы, тогда как рядовые граждане участвуют в управлении все меньше и меньше. Часто государством откровенно управляет

бюрократия. Избиратели выбирают номинальных лидеров, тогда как настоящая власть сосредоточена в руках чиновничества среднего и нижнего звена. Многие разумные люди не отказались бы заменить бюрократическое государство просвещенной автократией. Хотя регулирование частично решает проблему бюрократического произвола, ничто не в силах остановить коррупцию и разбазаривание средств. Авторитарным правителям нередко удавалось справиться с этими болезнями, разрушая административный аппарат для работы по-новому. Авторитарный правитель уверен в прочности своего положения и потому может позволить больший плюрализм мнений, чем в бюрократическом государстве. Однако проблема в том, что автократия не работает в крупных государствах, поскольку такими государствами невозможно управлять иначе, кроме как бюрократически. Выбор между демократией и демократически назначенным авторитарным правителем – это выбор между 1) номинально широким участием в управлении государством с большими растратами ресурсов на лоббирование и 2) участии только в выборах, зато с потенциально меньшими растратами. Впрочем, никакой демократический процесс не сравнится с регулированием по масштабу воздействия: если демократия тысячами законов вмешивается в личную жизнь людей, она неизмеримо хуже автократа, который этого не делает.

Справедливые суды, эффективная полиция, прозрачные и абстрактные законы, минимальное регулирование, политическая стабильность, качественное образование, отсутствие монополий – все это способствует развитию бизнеса, конкуренции и инноваций.

Политическую стабильность лучше всего обеспечивают просвещенный авторитаризм и консенсуальный анархизм. Засилье бюрократии порождает инерцию и консерватизм, в силу чего тоже ведет к политической стабильности, однако возникает существенный минус – тормозится экономическое развитие.

Задушенные политические амбиции населения, будучи направлены в экономику, стимулируют ее развитие. Политический активизм расцветает в развитой, но зарегулированной экономике, которая обеспечивает деньги и спонсоров для активистов. Многие люди, не найдя реализации своим экономическим амбициям, устремляются в политику, ведь государство – большой и очень лакомый кусок для желающих поуправлять. Пока оно еще не очень бюрократизовано, государство хорошо реагирует на требования активистов. Политический активизм вряд ли очевидное благо, поскольку направлен на манипулирование массами и вреден для экономики.

Богатые страны сильны на пике славы. Затем неизбежно наступает засилье бюрократии, губящее экономику. Сильное

государство – это результат богатого государства, а не его причина. Государство сильно только короткий промежуток времени в самом начале своего заката. Со временем люди привыкают к богатству, становятся ленивыми, деградируют и передают многие функции государству, чтобы снять с себя личную ответственность.

Управление посредством консенсуса

Когда общество достигает изобилия трудом, оно учится терпимости. Люди ценят тяжело заработанную собственность и симпатизируют другим, кто тоже работает не покладая рук. Насилие приводит сначала к демократии, затем к консенсусу.

Хотя анархистские сообщества не обязательно консенсуальны, все же это наиболее естественный тип самоорганизации свободных людей. Вместо того чтобы демократически соглашаться с угнетением взамен на право угнетать других, свободный человек не хочет ни угнетать, ни быть угнетаемым. По большому счету, в демократическом компромиссе нет ничего принципиально плохого. Люди идут на компромисс постоянно: тратят время на работу, чтобы иметь пропитание; ограничивают сексуальную жизнь брачным спутником, чтобы оградить себя от лишних проблем; достигают

политических целей, подчиняясь правлению большинства и ограничивая личные предпочтения.

Однако некоторые люди ценят свободу превыше выгоды. Ради консенсуса они могут пожертвовать целесообразностью. Эта позиция вовсе не так иррациональна, как кажется. Ее придерживаются те, кто находится в меньшинстве в вопросах науки, политики и других областях. Идея навязанного демократического компромисса грозит разрушить самые важные ценности таких людей, уничтожить их интеллектуально. Устойчивые меньшинства инакомыслящих, как правило, немногочисленны, но они критически необходимы обществу, поскольку обеспечивают то интеллектуальное разнообразие, без которого невозможна эволюция человечества. Строго демократическое общество душит инакомыслие, заставляя всех следовать коллективным решениям. Это затрудняет развитие новых идей и облегчает государству задачу искусственного создания общественной поддержки своих решений. Несоразмерное влияние страстных диссидентов и революционеров – это важный эволюционный механизм, помогающий преодолевать консерватизм демократий.

Когда демократия допускает инакомыслие, она становится очень эффективной: она и достаточно консервативна, чтобы защищать общества от избыточного экспериментирования, но и достаточно открыта для изменений, если инакомыслящим

удается убедить большинство в своей правоте. Влиятельным меньшинствам нередко удается менять общество. Эта система подобна механизму, в котором одни детали движутся с высокой скоростью, а другие выполняют роль балласта. Такое возможно только при либеральной демократии. Сердце либерализма – защита интеллектуальных, политических, этнических, экономических и прочих меньшинств от демократического централизма. Когда демократия уравновешена либерализмом, она жизнеспособна, но не устойчива: подчиняясь большинству, государство постепенно свертывает свободы, потому что большинству они попросту не нужны. Именно это объясняет, почему демократии так склонны к демагогии: свобода речи маскирует пустоту других свобод. Она ведет сначала к тирании, а затем к анархии. В настоящее время, либерализм часто перевешивает демократию, и меньшинства навязывают свои взгляды большинству.

Главная проблема демократического механизма принятия решений в том, что он постоянно подтачивает либеральную защитную систему. Большинство не нуждается в той защите, которая предназначена для меньшинства, и постоянно голосует против нее. Типичный пример этой тенденции – американская конституция. В ней либеральные гарантии, предназначенные для защиты граждан от вмешательства государства, постоянно прогибаются под новые законы. Конкуренция частных

юрисдикций предлагает частичное решение этой проблемы: меньшинства создадут собственные юрисдикции и получат в них ту защиту, которой они лишены в более однородных демократических образованиях. Нишевые мини-государства не должны быть слишком дорогими: их члены смогут договориться по меньшему числу вопросов, будут реализовывать меньше муниципальных проектов и, соответственно, транжирить меньше общественных средств.

Полностью консенсуальные города-государства маловероятны, так как они открыты для злоупотреблений: инакомыслящие будут препятствовать коллективным решениям. Подобный сценарий предполагает либо абсолютно единодушное сотрудничество всех членов общины, либо, напротив, отказ от какого-либо активного сотрудничества. Во втором случае единственной формой консенсуса будет минимальный набор самых универсальных этических запретов. Такие сообщества чрезвычайно консервативны, поскольку законодательные изменения практически невозможны. Если в них будут появляться инакомыслящие, им придется переезжать в более демократические города, управляемые большинством, либо создавать собственные общины. Поскольку согласие – это не столько практический способ достижения соглашений, сколько оплот инакомыслия, консенсуальные общины не будут воинственными. Есть существенная разница между

неспособностью принять желательный закон и вынужденностью подчиниться нежелательному закону; между незаслуженной прибылью и прямым убытком. Консенсус защищает взрывоопасные меньшинства от агрессивного большинства. При этом консенсуальные сообщества будут состоять из людей схожих взглядов. Только индивидуалистские поселения, не практикующие совместные активные действия, смогут привлечь людей разных взглядов; в таких поселениях консенсус возможен только по самым общим вопросам.

Общины, созданные на базе консенсуса или квалифицированного большинства, будут редко воевать. Немногие войны будут либо из самообороны, либо ради ясных целей, но не из личных или национальных амбиций, как это происходит сейчас.

Необходимость учитывать все точки зрения для достижения консенсуса приведет к появлению гармоничных, милосердных сообществ. Люди схожих взглядов способны создать сети горизонтальных связей, став настоящими ближними друг для друга.

Голосование во многом подобно договору. Индивидуальное согласие необходимо только для решения вопросов, связанных с личной собственностью. Для управления совместным имуществом достаточно простого соглашения

собственников, обычно простым или квалифицированным большинством.

Принятие решений квалифицированным большинством и защищает от законодательного покушения на свободы, и допускает организацию совместной деятельности. Хотя частная собственность на поселения устраняет необходимость в большинстве коллективных решений, некоторые вопросы все же приходится решать совместно, например избрание судей, лицензирование полиции, оборона и т. д. Если городом владеет корпорация, она может решать эти вопросы, а люди будут голосовать своими деньгами, переезжая за тот или иной город. Большинство людей такой подход устроит. Если человек захочет непосредственно влиять на принятие законов, ему достаточно присоединиться к коммуне или купить акции градоуправляющей корпорации: в этом качестве он будет уже не просто гражданин, но акционер с правом принятия решений.

Принятие решений квалифицированным большинством создает проблему аннулирования решений. Представим, что 70 процентов населения голосуют за какой-то закон и он вступает в силу. Со временем оказывается, что закон неудачный, и его поддержка снижается до 40%. В этом случае квалифицированное большинство в 67% уже невозможно, и получается, что закон нельзя ни отменить, ни заменить. Треть

избирателей может заблокировать принятие нового закона, но не может аннулировать уже принятый.

Один из вариантов решения проблемы – сохранить эту асимметрию, поскольку почти любая последовательная политика лучше резких смен курса. Последнее происходит в мажоритарных демократиях, где законы обычно принимаются незначительным перевесом голосов. Другой вариант более предпочтителен для противников регулирования – периодическое переголосование по каждому закону, когда закон принимается только при повторном получении квалифицированной поддержки. У этого варианта есть еще одно преимущество – автоматическая выбраковка устаревших законов. Так число новых законов будет сведено к разумному минимуму, а государство не сможет искаженно трактовать законы. Британский парламент периодически пересматривает лицензию на убийство для спецслужб: неполучение обновления лицензии автоматически означает ее прекращение. Это вынуждает спецслужбы действовать в рамках разумного. Можно перейти к такой системе постепенно, для начала введя для каждого закона собственный период обновления.